

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

БАБКИН МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ЕЁ ОТНОШЕНИЕ
К СВЕРЖЕНИЮ МОНАРХИИ В РОССИИ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Москва 2007

Работа выполнена на кафедре истории Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный консультант

доктор исторических наук, профессор О.И. Митяева

Официальные оппоненты

доктор исторических наук, профессор С.В. Тютюкин

доктор исторических наук, профессор С.И. Реснянский

доктор исторических наук С.С. Бычков

Ведущая организация

Российская академия государственной службы при президенте РФ

Защита состоится 17 октября 2007 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.75 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, 2-й корпус гуманитарных факультетов, ИППК, ауд. 825-П.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов.

Автореферат разослан «___» сентября 2007 г.

Учёный секретарь

диссертационного совета,

доктор исторических наук, доцент

А.В. Никонов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На рубеже XX–XXI вв. в России произошло изменение идеологических ориентиров общества, а также изменение взаимоотношений Русской православной церкви (РПЦ) и государства.

Важной исторической проблемой является исследование политической позиции Православной церкви в период Первой российской революции и особенно Февральской революции 1917 г., когда духовенство РПЦ стремилось к самостоятельности, к созыву Поместного собора и восстановлению отмененного императором Петром I патриаршества. В тот период – вновь после XVII в. – священнослужителями в определённом смысле был поставлен вопрос о том, что является более влиятельным (в частности – на религиозное сознание христиан) и, соответственно, главным: светская или духовная власть. (В чём заключается историко-богословская проблема соотношения «священства-царства»).

Начиная с весны 1905 г., духовенство рассматривало вопрос об изменении установившейся на протяжении синодального периода формы взаимоотношений церкви и государства. На особых церковных комиссиях (Предсоборном присутствии и Предсоборном совещании) были приняты соответствующие проекты, согласно которым, с одной стороны, надлежало значительно сократить церковные полномочия царя, а с другой – ввести патриаршество. Однако до 1917 г. этим планам не суждено было воплотиться.

В 1917 г. в России в результате Февральской буржуазно-демократической революции произошли важные социально-политические изменения. Во-первых, изменилась форма государственной власти с царской на лишённое сакрального смысла новое правление. Во-вторых, был воссоздан институт патриаршества. Тем самым «священство» в определённом смысле взяло верх над «царством».

В начале 1990-х гг., после изменения формы государственной власти в России, в стране началась выработка новой, постсоветской модели взаимоотношений церкви и государства. Со стороны РПЦ на Архиерейском соборе 1992 г. прозвучал тезис о её аполитичности по отношению к власти. В частности, было продекларировано, что «Церковь не связывает себя ни с каким общественным или государственным строем, ни с какой политической силой»¹. В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г., закрепилось положение о свободе совести и свободе вероисповедания всех граждан². Со стороны государства также было заявлено о его светском характере и об отделении от него всех религиозных объединений. За религиозными организациями признано их равенство перед законом и объявлено о невмешательстве государства в дела их внутренних установлений: в первую очередь – самоуправления. Эти положения получили закрепление в федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях» (№ 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г.)³. Однако в преамбуле этого закона среди прочих конфессий Русская православная церковь выделена особо:

¹ Журнал Московской патриархии (далее – ЖМП). М., 2000. № 10. С. 39.

² Статья 28 Конституции России гласит: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (Конституция Российской Федерации. М., 2007. С. 16).

³ Новый сборник законов Российской Федерации. М., 2000. С. 129.

отмечена «особая роль православия в истории России, становлении её духовности и культуры». То есть в проведении своей политики в религиозных вопросах государственная власть особо учитывает позицию Православной церкви.

На современном этапе осуществление религиозной политики в России пойдёт тем успешнее, чем полнее будет учтён исторический опыт. В частности – досоветского периода XX в., когда светские власти были в том или ином союзе с Православной церковью. Исследование темы о политической позиции церкви в период трёх российских революций будет способствовать, в частности, пониманию, как далеко может зайти наблюдающийся в современной России постепенный процесс клерикализации общества.

Таким образом, для прогнозирования общественно-политических процессов в современной России необходимо обратиться, в частности, к изучению церковно-государственных отношений с начала XX в. по конец 1917 г. и, в первую очередь – к рассмотрению политической линии духовенства РПЦ в тот период. Для этого необходимы новые подходы к анализу общественно-политического процесса в России.

Объектом исследования является Русская православная церковь в период с начала XX в. по конец 1917 г.

Предметом исследования стала позиция служителей РПЦ разного уровня на происходившие в России в рассматриваемый период события, а также попытки формирования духовенством новых церковно-государственных отношений.

Целью данной работы является анализ общественно-политического положения в России, осмысление церковно-государственных отношений в рассматриваемый период, выявление официальной позиции высшего и рядового духовенства РПЦ, а также прихожан по отношению к свержению монархии в 1917 г.

В соответствии с этой целью поставлены следующие **задачи** исследования:

- показать место РПЦ в государственной системе власти в России в начале XX в.;
- рассмотреть социальный состав духовенства РПЦ;
- раскрыть причины проявления оппозиционности священнослужителей по отношению к монархической власти с начала XX в. по 1917 г.;
- осветить основные модели взаимоотношений церкви и государства, выработавшихся духовенством в период 1905–1914 и 1917 гг.;
- показать место и роль различных слоёв духовенства Русской православной церкви и прихожан в период Февральской революции 1917 г.;
- дать анализ взаимоотношений между РПЦ и Временным правительством;
- раскрыть позицию Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг. на протяжении первой его сессии в вопросе об обновлении отношений церкви и государства.

Хронологические рамки данной работы – начало XX в. – конец 1917 г. обусловлены необходимостью выделить важный и относительно целостный период церковно-государственных отношений: от начала разработки в стране в период революции 1905–1907 гг. церковных реформ до конца 1917 г., когда (9 декабря) завершилась первая сессия Поместного собора РПЦ, начавшего работу 15 августа. Собор, во-первых, явился рубежной датой в процессе проведения внутрицерковных реформ. Во-вторых, на нём была засвидетельствована, хотя и ретроспективно и несколько косвенно, общецерковная точка зрения на свержение монархии в России.

Появление 20 января 1918 г. декрета советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (совпавшего по времени с открытием второй сес-

сии Поместного собора) фактически положило начало новому этапу церковно-государственных отношений.

Территориальные рамки охватывают всю Российскую империю, так как при работе над диссертацией изучались материалы всех существовавших епархий РПЦ.

Методологической основой исследования стали принципы историзма, научной достоверности и объективности, системного и конкретного подхода к изучению взглядов церковных деятелей на события, происходившие в России и внутри РПЦ с начала XX в. по конец 1917 г. При написании работы использовались методы:

- структурный, с помощью которого церковь рассматривается как сложная иерархическая структура;
- количественный, позволяющий проводить статистические исследования;
- метод типологизации позволяющий выявить типичные явления, классифицировать их (например, – разнообразие мнений духовенства о политических событиях в России);
- сравнительный анализ, противостоящий стремлению исторической науки унифицировать (подвести к средним показателям) общество и человека (церковных пастырей и паству);
- диахронный, с помощью которого осуществляется «параллельный» анализ постановлений духовной и светской властей (например, Святейшего синода Русской православной церкви и Временного правительства);
- метод исторических параллелей, позволяющий провести аналогию между взаимоотношениями церкви и государства в России на протяжении двух периодов: а) второй половины XVII – первой четверти XVIII вв. и б) началом XX в. – 1917 г. (имеется в виду рассмотрение церковно-государственных отношений в контексте проблемы «священства-царства»).

В работе церковно-государственные отношения рассматривались во взаимодействии, взаимовлиянии и взаимообусловленности социально-экономических и политических условий Российской империи (цивилизационный и формационный подходы) и человеческого, личностного фактора (антропологический подход).

Новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые на основе анализа обширного массива источников показан процесс постепенной переориентации официальной политической линии Русской православной церкви в период с начала XX в. по весну 1917 г.: от традиционно-монархической (охранительной политики по защите царского самодержавия) до содействия процессам в свержении императора и приветствия февральско-мартовских политических событий 1917 г. Показан и обратный процесс «поправления» духовенства, начавшийся с лета того же года.

В диссертации проведено проблемно-хронологическое, параллельное сравнение определений Св. синода РПЦ и законодательных актов государственных властей, правивших страной в рассматриваемый период. Впервые осуществлён параллельный анализ актов, выпущенных высшим органом церковной власти и Временным правительством. Его цель – выявление и сравнение позиций светской и духовной властей в период свержения монархии. В работе впервые обращено внимание на вопросы участия духовенства в «выборе» государственного строя, ибо монархическая альтернатива народовластию исследователями истории Православной церкви практически не рассматривалась.

При исследовании темы были привлечены новые, ранее не использовавшиеся церковные документы, в том числе определения, воззвания и послания Святейшего синода, иерархов РПЦ к пастве и подведомственному духовенству, позволяющие показать официальную позицию церкви к свержению царской власти. Впервые проведён подробный анализ изменений богослужебных чинов Православной церкви, свидетельствующий о политической линии церкви в рассматриваемый период.

Новизна исследования заключена также и в том, что в данной работе рассматривается роль и место РПЦ в революционном процессе, направленном на свержение монархии в России. Действия духовенства по поддержке революционного процесса рассматриваются с точки зрения историко-богословской проблемы «священства-царства». Специалисты по Отечественной истории этой проблемы применительно к церковно-государственным отношениям XX в. не рассматривали.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что её методологические разработки могут быть использованы в формировании нового подхода в исторической науке при исследовании взаимоотношений церкви и государства в XX–XXI вв., а именно – с точки зрения проблемы «священства-царства».

Материалы исследования могут быть использованы при составлении обобщающих трудов по истории России, в учебных дисциплинах отечественной истории, религиоведения и других. Идеи и выводы диссертационной работы могут быть полезны государственным органам и практическим работникам управления, влияющим на развитие политической и социальной сферы. Диссертация представит интерес для широкого круга читателей, интересующихся историей России и РПЦ.

Апробация результатов исследования. Выводы и результаты исследования автор докладывал на ряде конференций: пяти международных (Москва, Иваново), шестнадцати всероссийских (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Челябинск, Иваново, Омск) и пяти региональных (Челябинск, Курск, Кемерово).

Результаты работы отражены в 51 научной работе объёмом свыше 86 п. л. Из них две статьи на страницах журнала «Отечественная история» (1,6 и 1,1 п. л.), две – в «Вопросах истории» (по 1,3 п. л.), по одной статье – в «Вестнике МГУ. Серия 8: История» (1,3 п. л.) и журнале «Родина» (1,0 п. л.). Все работы практически полностью основаны на собственных исследованиях, проведённых в государственных архивохранилищах и библиотеках страны. В результате выявлен и опубликован большой массив документов по истории церковно-государственных отношений за период с начала XX в. по 1917 г. Подборка материалов опубликована в журналах «Вопросы истории» (8,7 п. л.), «Исторический архив» (2,1 п. л.), «Военно-исторический журнал» (0,8 п. л.), «Клио» (1,2 п. л.) и сборнике документов объёмом 33,5 п. л.

Диссертация была обсуждена и одобрена на заседании кафедры истории Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Структура диссертации. Работа построена на проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, пяти глав (включающих 13 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, а также пяти приложений.

II. СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность избранной темы, даётся характеристика состояния научной разработанности проблемы, формулируются цели и задачи, определяются предмет и объект исследования, определены хронологические и территориальные рамки проблемы, охарактеризована методологическая основа диссертации, показаны её научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Историография проблемы и анализ источников» содержит анализ научной литературы и источников по теме диссертации.

Историография проблемы рассматривается не только по временным рамкам – дореволюционному, советскому и постсоветскому периодам, но и по принадлежности авторов работ к общеисторической (светской) и историко-церковной науке, создаваемой как священнослужителями, так и профессурой духовных академий.

В дореволюционной (до Октября 1917 г.) историографии по теме можно выделить два периода. Хронологические рамки первого можно обозначить с самого начала XX в. по февраль 1917 г. Во время этого отрезка времени внимание историков и публицистов привлекала тема о церковной реформе императора Петра I⁴. Рассматривались особенности правового и реального статуса Святейшего синода. Исследователями доказывалось, что учреждение Петром Великим синода исказило каноническое устройство РПЦ и поставило её в зависимое от государства положение, чем было обусловлено возникновение у РПЦ к началу XX в. ряда внутрицерковных проблем. На этом же этапе светскими учёными-медиевистами достаточно интенсивно разрабатывалась тема о соотношении царской и духовной власти. Среди основных трудов по этой тематике следует отметить работы Н. Каптерева и В. Вальденберга⁵.

Тогда же появились и труды по исследованию взаимоотношений проблемы «священства-царства» в Византийской империи и древнем Израиле. Они позволяли провести аналогии между взаимоотношениями государства и церкви в России и в древних царствах, стремившихся к идеалам теократии⁶. Учёных привлекали и вопросы о месте императора в церкви. Исследователи обращали внимание на то, что в богословской системе Православной церкви не выработано положение о церковных

⁴ *Грибовский В.М.* Церковное управление в царствование Николая Павловича // Исторический вестник. СПб., 1902. Т. 89. Август. С. 453–468; *Тихомиров П.* Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1904. Т. 1. Январь. С. 75–106; *Суетов Ф.* О Высочайше утверждённом при Святейшем Синоде особом Присутствии для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению Всероссийского собора // Учёные записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1912. № 1. С. 1–100. См. также переизданную работу: *Тихомиров Л.А.* Запросы жизни и наше церковное управление // Апология веры и монархии / Сост. М.Б.Смолин. М., 1999. С. 372–390.

⁵ *Каптерев Н.Ф.* Власть патриаршая и архиерейская в древней Руси в их отношении к власти царской и к приходскому духовенству // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1905. Т. 1. Январь–апрель. С. 657–690; *Его же.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 тт. Сергиев Посад, 1909, 1912; *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира святого до конца XVII в. Пг., 1916.

⁶ *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу влияния Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901; *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902; *Державин Н.* Теократический элемент в государственных воззрениях Московской Руси сравнительно с воззрениями древних евреев // Учёно-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов Киевской Духовной Академии 1905 г. Киев, 1906.

правах царя как помазанника Божия. Соответственно, некоторые из них исследовали вопрос о том, может ли развиваться учение церкви⁷.

Н. Суворовым была предпринята попытка построения теоретической системы царской власти с исторической, политической, юридической и богословской сторон. Автор пишет, что «наши богословы и канонисты из духовного ведомства, не стесняясь ни Основными законами (Российской империи. – М.Б.), ни историей, ни даже богослужебными книгами ... отвергают учение о царской церковной власти, как цезарепапизм». На основании анализа правовых документов России и Православной церкви Суворов утверждает: «Верховная самодержавная власть русского Императора содержит в себе и государственную, и церковную власть»⁸. Ему фактически вторит и П. Казанский: «Было бы ошибкой категорически сказать: «Монарх *не является* (выделено Казанским. – М.Б.) Главой Церкви»»⁹.

Однако такой исследовательский подход не подвиг официальное духовенство на создание богословской теории царской власти, и отношения между «царством» и «священством» остались неопределёнными. Тем не менее эта тема разрабатывалась священником Павлом Флоренским¹⁰. Монархизм (или светский, или духовный) – согласно его трудам – прямо следует из основ христианской веры. Однако власть папы (патриарха) и императора, по мнению о. Павла, несовместимы в едином царстве: «Светская власть под папою неминуемо есть федерация, подобно тому, как федерацией является духовная власть под императором на востоке в Византии¹¹», «коллективизм светской власти есть оборотная сторона католицизма», – пишет он¹².

Одним из последних дореволюционных исследователей истории РПЦ является П. Верховской. Им сделан подробный и обобщающий историографический обзор работ по церковно-государственным отношениям, охватывающий практически весь синодальный период. Автор рассматривает эволюцию различных взглядов на реформы Петра I отечественных юристов, историков, богословов и канонистов¹³.

С марта по октябрь 1917 г. можно выделить второй этап дореволюционной историографии. Наряду с рассмотрением вопросов, связанных с проблемой управления Русской православной церкви, исследователями рассматривались и политические аспекты церковно-государственных отношений¹⁴. В этот период появились

⁷ Соловьёв Вл. Догматическое развитие церкви в связи с вопросом о соединении церквей. М., 1886; Е.Л. Развивается ли в догматическом смысле церковь? // Странник. СПб., 1889. Т. II. Май. С. 3–37.

⁸ Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 1913. С. 210–212.

⁹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора /Сост. М.Б.Смолин. М., 1999. С. 154.

¹⁰ Флоренский Павел, священник. Критика книги В.В.Завитневича «А.С.Хомяков. Т.1, Т.2. Киев, 1913» // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1916. Июль–август. С. 516–581; *Его же*. Параграфы 34, 35, 36 из «Философии Культа» // Regnum Aeternum (Царство Вечное). М.-Париж, 1996. № 1. С. 187–198.

¹¹ Имеется ввиду факт существования в Византийской империи пяти патриархов: Римского (папы), Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. В Оттоманской же империи, соответственно – четырёх независимых глав поместных церквей.

¹² Флоренский Павел, священник. Параграфы ... Указ. соч. С. 194.

¹³ Верховской П.В. Учреждение Духовной Коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследование в области русского церковного права. В 2 тт. Ростов-на-Дону, 1916.

¹⁴ Осецкий А.А. Поместный собор. Свободный опыт организации. Пг., 1917; Фиолетов Н. Церковный собор и его задачи // Народопрямство. 1917. № 12. С. 6–8; Буткевич Т.И., протоиерей. Право-

критические отзывы историков и публицистов (в том числе и церковных) на царствование последнего императора¹⁵. В целом, в дореволюционный период традиционным объектом исследования учёных были церковная реформа Петра I и положение Святейшего синода в системе государственных учреждений империи.

В советской историографии определяющим является формационный подход. На протяжении семи десятилетий историческая наука находилась под сильным влиянием атеистической идеологии, диктовавшей негативное отношение к религии и церкви. (Труды дореволюционных историков, работавших в Советской России в православной традиции, были буквально единичны¹⁶).

В 20–30-е гг. преобладала точка зрения о безусловной контрреволюционности любой религиозной идеологии, о ярко выраженной антинародной, буржуазно-реакционной сущности Русской православной церкви¹⁷. Также говорилось, что российская церковь за всю историю своего существования всегда находилась в услужении у господствующих, эксплуататорских классов общества, была неразрывно связана с ними, защищала их интересы: «божественность» власти угнетателей и «святость» частной собственности. Этим объяснялся быстрый её переход после свержения монархии на службу к своим «новым хозяевам» – буржуазии, обещавшей сохранить за духовенством его классовую привилегированность¹⁸. Факт введения патриаршества после Октябрьской революции 1917 г. объясняется историками стремлением «реакционных элементов» – представителей буржуазии, дворянства и духовенства «реставрировать часть монархии», создать «идейную базу реакции»¹⁹.

Церковь в советской историографии рассматривается как влиятельная, но не самостоятельная организация, а скорее всего как придаток царизма, его верная союзница, способная оказывать мощное идеологическое воздействие на народные массы. Духовенству при этом даётся общая оценка как агентуре империализма. Внутрицерковное состояние дел, сложившееся к началу XX в. (и 1917 г. в частности), оценивается как системный кризис. О нём советские историки говорят, как обусловленном тем, что церковь не была приспособлена к условиям капиталистического общества, являясь феодальным пережитком.

Вместе с тем в работах 20–30-х гг. утверждалось о частичном союзе церкви и освободительного движения в период 1905–1907 гг., когда духовенство раскололось

славная церковь и государственный переворот // Церковный вестник (далее – ЦВк). Пг., 1917. № 9–17. С. 178–183.

¹⁵ Успенский К.Н. Очерк царствования Николая II // Голос минувшего. М., 1917. № 4. С. 5–37; Илиодор (Сергей Труфанов), иеромонах (бывш.). Святой черт. (Записки о Распутине). С предисловием С.П. Мельгунова // Голос минувшего. М., 1917. № 3.

¹⁶ См., например брошюру, в которой критиковался советский декрет «Об отделении церкви от государства»: Кузнецов Н.Д. Церковь, народ и государство в России. М., 1918.

¹⁷ Лукин Н.М. Революция и церковь. М., 1923; Ростов Н. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М., 1930; Рыбкин Г. Православие на службе самодержавия в России. М., 1930; Попов М. Церковь в годы реакции и революции. Опыт краеведческого исследования. Ивано-Вознесенск, 1931; Базыкин С. Церковь в борьбе с революционным движением при самодержавии. М., 1939; и др.

¹⁸ См., например: Кандидов Б.П. Церковь и самодержавие. М., 1937; Его же. Церковь и Февральская революция. М., 1934.

¹⁹ См., например: Боговой И. Церковная революция. (К расколу среди православного духовенства). Архангельск, 1922.

на сторонников самодержавия (иерархи и священники-традиционалисты) и оппозиционных сил (отдельные либеральные клирики)²⁰. На общем фоне пропагандистских работ этого периода выделяется появившаяся в 1930 г. и неоднократно переизданная книга Н.М. Никольского²¹. Это первый серьёзный труд по истории РПЦ, созданный в СССР. Однако эта работа, безусловно, тенденциозна. Один из её главных тезисов – постоянное и неотвратимое разложение церкви.

В монографиях церковных авторов также говорится о Русской православной церкви как оплоте монархии, о её неразрывной связи с царским бюрократическим аппаратом, о её «контрреволюционности», «антинародности», о «порабощении» церкви государством в царской России, о пороках духовенства, его низком авторитете среди паствы и о пассивности официальной церкви в революционном процессе из-за своего принципа «невмешательства в политику»²².

От названных работ отличается добротностью и практически отсутствием идеологической нагрузки статья П. Зарина²³. В ней рассматривается политическая позиция духовенства ряда губерний весной-летом 1917 г. Автор делает не свойственные для своих современников выводы, в частности: «Монархисты среди духовенства всё-таки составляли меньшинство; большинство же духовенства, убедившись в буржуазном характере Временного правительства, быстро стало на сторону последнего. ...Чтобы продемонстрировать своё сочувствие «революционному народу», многие священники участвовали в первомайских демонстрациях»²⁴.

В 40-е гг. XX в. в СССР – по понятным причинам – занятие историческими исследованиями было неактуальным. Едва ли не единственная работа, созданная в этот период – книга Ф. Олещука²⁵, наполненная одиозными оценками о «классово-паразитической» сущности Русской православной церкви.

В трудах советских историков 50–60-х гг. постепенно сформировался определённый академический формат, претендующий на нейтральный подход к историческим событиям. На этом этапе продолжала разрабатываться тема о реакционной и классовой сущности религии, о противодействии церкви революционному процессу. Однако признавалось, что в конце Первой российской революции сформировалась церковная оппозиция самодержавию²⁶, что внутри Православной церкви «честные и искренние священнослужители возмущались засильем самодержавия», выступая против опеки государства над церковью²⁷.

Касательно событий Февраля 1917 г., быстрое признание церковью Временного правительства объяснялось историками тем, что смена власти в России не затронула

²⁰ Амосов Н.К. Октябрьская революция и церковь. М., 1937.

²¹ Никольский Н.М. История Русской церкви. М., 1983.

²² Введенский А.И., протоиерей. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 гг. М., 1923; *Его же*. Церковь патриарха Тихона. М., 1923; Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924; *Его же*. Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л., 1924.

²³ Зарин П. Февральская революция и церковь. (По архивным материалам Черноземных губерний) // Антирелигиозник. М., 1937. № 3. С. 58–66.

²⁴ Там же. С. 59, 60.

²⁵ Олещук Ф. Борьба церкви против народа. М., 1941.

²⁶ Платонов Н.Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917 гг.) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.-Л., 1960. Т. IV. С. 103–209.

²⁷ Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1981. С. 41.

имущественные интересы церкви²⁸. Поддержка церковью новой власти была обусловлена, во-первых, конъюнктурными соображениями духовенства, вынужденного считаться с настроениями широких слоёв населения, симпатизирующих революции. Во-вторых, – желанием клириков воспользоваться ситуацией для укрепления своего статуса в государстве²⁹. В-третьих, – вызвана страхом духовенства перед народными массами, требовавшими ограничить имущественные права Церкви: главным образом – ликвидировать церковно-монастырское землевладение³⁰.

В 60-х и 70-х гг. научные труды по истории Русской церкви начала XX в. были созданы и церковными авторами. Среди них – библиографический справочник иерархов РПЦ митрополита Куйбышевского Мануила (Лемешевского)³¹, и изданная в 2004 г. диссертация протоиерея Владимира Рожкова по исследованию церковных вопросов, обсуждавшихся в Государственных думах I–IV созывов³².

В советской историографии 70–80-х гг. рассматривались проблемы «эволюции» и «модернизации» православия, исследовались изменения в социально-политической концепции РПЦ в зависимости от происходивших в стране в 1905–1917 гг. социальных, экономических и политических процессов. Православная церковь начала показываться как общественный институт, не изолированный от социальных процессов, а подверженный их влиянию, включённый в их развитие³³. Одновременно применялся стереотипный для советской историографии подход, в котором утверждалось о «реакционности церковников» – активных противников революционно-освободительной борьбы трудящихся масс³⁴. В частности, на основании подобранных единичных высказываний представителей духовенства говорилось, что после победы буржуазно-демократической революции установление конституционной монархии являлось политическим лозунгом церкви³⁵.

В этот же период внимание исследователей привлекло либерально-обновленческое движение, возникшее в РПЦ в 1905 г. Рассматривались вопросы о причинах

²⁸ *Персиц М.М.* Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 23 января (5 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и его историческое значение. М., 1952; *Плаксин Р.Ю.* Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М., 1968. С. 16; *Грекулов Е.Ф.* Церковь, самодержавие, народ. (2-я половина XIX – начало XX вв.). М., 1969.

²⁹ *Церковь в истории России (IX век – 1927 г.). Критические очерки / Под ред. Н.А.Смирнова.* М., 1967. С. 314–315.

³⁰ См., например: *Осипова Е.С.* Политика православной церкви в период подготовки Октябрьской революции (март – октябрь 1917 г.). М., 1966. С. 48, 61, 62.

³¹ *Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно) / Сост. Мануил (Лемешевский), митрополит. Куйбышев,* 1966. В 6 тт.

³² *Рожков Владимир, протоиерей.* Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004.

³³ *Копенкин Э.Г.* Социально-политическая и идеологическая переориентация Русской Православной Церкви в предреволюционной России как фактор эволюции православия. Л., 1973; *Калинин Ю.А.* Модернизм русского православия. Киев, 1988.

³⁴ *Куров М.Н.* Революция 1905–1907 годов и кризис политики царизма в религиозном вопросе // Вопросы научного атеизма. Вып. 19. М., 1976. С. 167–184; *Емелях Л.И.* Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л., 1976; *Корзун М.С.* Русская Православная церковь на службе эксплуататорских классов. X век – 1917 г. Минск, 1984; *Корзун М.С.* Русская Православная церковь. 1917–1945 гг. Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. Минск, 1987; *Красников Н.П.* Социально-этические воззрения русского православия в XX в. Киев, 1988.

³⁵ *Снигирёва Э.А.* Политическая переориентация русского православия в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927 гг. Л., 1974. С. 56.

возникновения, месте, значении, преемственности дореволюционного и советского обновленчества³⁶. Впервые появилась солидная научная работа, в которой освещались вопросы церковного управления в период после Первой российской революции, когда перед светской и духовной властями встали вопросы о необходимости проведения церковной реформы и созыва Поместного собора РПЦ³⁷.

В самом конце 80-х гг. вышел объёмный сборник по истории православия в России. В нём опубликованы статьи по цензурной политике РПЦ, её хозяйственно-экономической и миссионерской деятельности. Хотя в этом сборнике ещё сохранялся критицизм в отношении к религии и церкви, но уже за верующими признавались некоторые достоинства: противостояние пьянству, хищениям, следование нравственным принципам, взаимопомощь. Сборник содержит большую статью П. Зырянова, описывающую основные события истории РПЦ в период трёх революций 1905–1907 и 1917 гг.³⁸. В этой академической работе, во многом перекликающейся с ранее вышедшей монографией автора³⁹, обобщены труды предшественников.

В целом, в советской историографии существует единая точка зрения о контрреволюционной роли Русской православной церкви в период всех трёх российских революций: 1905–1907 гг., Февральской и Октябрьской. Относительно событий Февраля 1917 г. историки практически едины во мнении, что она предоставила церкви определённую перспективу: возможность занять при новом государственном строе более выгодное политическое и социальное положение. Касательно послеоктябрьского периода виновником произошедшей конфронтации между церковью и государством выставлялась исключительно РПЦ. Такая точка зрения обосновывалась тем, что духовенство, не желая расставаться со своим «господствующим» нормативно-правовым статусом, землями и доходами, буквально развязала войну против молодой республики рабочих и крестьян.

Определенный вклад в изучение взаимоотношений государства и церкви внесли зарубежные авторы. Основной их тезис заключался в том, что большевики открыли эру гонения на церковь. Но при этом делалось обобщение, (в основном, при умалчивании о поддержке со стороны РПЦ Временного правительства), что Православная церковь является «мученицей», пострадавшей не только от Октябрьской, но и от Февральской революции. Какая-либо заинтересованность духовенства в свержении царской власти отрицалась. Так, епископ Никон (Рклицкий), говоря о национально-патриотической роли РПЦ в российской истории, утверждает, что церковь «не принимала никакого участия в происшедшей в России (Февральской – М.Б.) революции». Признание же церковью власти Временного правительства, подчинение его распоряжениям и вознесение о нём церковных молитв владыка Никон объясняет тем, что Православная церковь была поставлена перед фактом государственного переворота и была вынуждена принять навязанные ей условия. Многочисленные же

³⁶ Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань, 1970; Андреев В.М. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. и его идеология. Автореф. дис. на соиск. учёного степеней. канд. ист. наук. Л., 1971.

³⁷ Флоринский М.Ф. Основные законы 1906 г. и церковное управление в России в период третьиюньской монархии // Вестник ЛГУ. Серия История и языковедение. Л., 1980. № 20. С. 21–26.

³⁸ Русское православие. Вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989; Зырянов П.Н. Церковь в период трёх российских революций // Там же. С. 380–437.

³⁹ Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

высказывания российского духовенства в поддержку революции, звучавшие весной 1917 г., объясняются автором «необходимой тогда данью «свободе»»⁴⁰.

Историк Л. Регельсон, книга которого впервые была издана во Франции в 1977 г., анализируя церковно-государственные отношения накануне 1917 г., отмечает «заметное охлаждение верноподданнических чувств» в Русской православной церкви. Он оспаривает тезисы советской историографии о причинах политической переориентации РПЦ во время Февральской революции. Автор говорит, что основным мотивом действий духовенства в тот период было осознание «исторической миссии» Церкви, заключавшейся «в борьбе за прекращение народной распри и вражды, за прекращение партийных и социальных раздоров, за сохранение в России подлинно христианского, подлинно православного духа миролюбия»⁴¹.

Из-за ограниченной источниковой базы российские церковно-государственные отношения в период 1905–1917 гг. весьма обзорно рассмотрены в ряде трудов, изданных за рубежом⁴². На их фоне своей многоаспектностью выделяются работы И. Смолича и Д. Поспеловского⁴³. В монографии последнего исследуется «кризис православия» в XX в., говорится о возникновении после выхода манифеста 17 октября 1905 г. активной оппозиции царю в лице духовенства. Автор указывает, что в начале XX в. в РПЦ среди священства было «единогласное недовольство синодальной системой». К аналогичным выводам приходит и американский исследователь Г. Фриз⁴⁴.

С начала 90-х гг. началось быстрое развитие новой отечественной историографии по теме. Отличительными чертами современной историографии стали освобождение от господствовавших в советской науке стереотипных, во многом идеологизированных представлений о церкви. Стал наблюдаться своеобразный симбиоз старых и новых подходов, оценок и выводов. Явно заметна и переориентация направлений исследований. Так, некоторые сюжеты, популярные в советской историографии отступили на второй план (например, политическая позиция РПЦ в период революций, православное духовенство и рабочее движение). Вместо них актуальным стало исследование внутрицерковных проблем, проектов планировавшихся в тот период изменений форм взаимоотношений церкви и государства, и проч.

⁴⁰ *Никон (Рклицкий), епископ.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. N.Y., 1958. Т. IV. С. 128, 133. См. также аналогичный подход в книге: *Серафим (Кузнецов), игумен.* Православный царь-мученик / Сост. С.Фомин. М., 1997.

⁴¹ *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. М., 1996. С. 26–28.

⁴² *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Kusnacht (Schweiz), 1978; *Каннингем Д.В.* С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала века / Пер. с англ. протоиерея Г.Сидоренко. Лондон, 1990; *Шульц Г.* 1914–1918 гг. как поворотный пункт в церковной истории России // *Церковно-исторический вестник.* М., 2001. № 8. С. 101–120.

⁴³ *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. 1700–1917 гг. Ч. I (в книге см. главы: «Предсоборное присутствие 1906 г.: к предыстории Московского Поместного Собора 1917–1918 гг.» и «Русская Церковь во время революции: с марта по октябрь 1917 г. и Поместный Собор 1917–1918 гг.» (С. 693–743)); *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995.

⁴⁴ *Фриз Грегори.* Приходское духовенство в России в XIX в.: кризис реформы, контрреформа. (*Freeze G.L. The Parish Clergy in XIX Century Russia. Crisis reform, counter-reform.*) Принстон, 1983.

В центре внимания священника Г. Ореханова и С. Фирсова⁴⁵, занимающихся историей РПЦ в период Первой российской революции – внутрицерковные процессы, начавшиеся после появления высочайших указов от 12 декабря 1904 г. («О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка») и от 17 апреля 1905 г. («Об укреплении начал веротерпимости»). Эти акты поставили священнослужителей РПЦ в невыгодное положение по сравнению с духовенством других конфессий: те оказались наделены правами свободы совести, а клирики господствующей церкви остались связанными бюрократическими узлами государственного аппарата (обер-прокуратуры). Соответственно, духовенство РПЦ было недоволено сложившейся ситуацией. Священнослужители начали открыто заявлять о своём по сути недовольстве положением и желании скорейшего созыва Поместного собора. Он – как высший представительный церковный орган – смог бы-де решить насущные проблемы. В названной монографии Фирсова проанализированы происходившие в России в начале XX в. процессы разрушения православной основы государства, постепенной демократизации духовенства и десакрализации в общественном сознании царской власти. Автор подробно раскрывает место Православной церкви в политической системе Российского государства, её статистические сведения и социальные процессы, анализирует проблемы церковно-государственных отношений, рассматривает процесс обсуждения и подготовки церковных реформ.

В работах ряда авторов в разной степени получили освящение многочисленные проблемы государственно-церковных отношений в начале XX в.: от взаимоотношений с различными властями до социально-политической переориентации РПЦ в изменяющихся условиях 1917 г. и начавшейся Гражданской войны. Эти работы написаны как на материалах всей РПЦ⁴⁶, так и её отдельных епархий или их групп⁴⁷.

В трудах историков Б. Миронова и А. Конюченко подвергнут скрупулёзному исследованию социальный состав и стратификация российского духовенства. В работе первого показывается динамика социальных внутрисословных процессов в России на протяжении всего синодального периода⁴⁸. Второй рассматривает наиболее важные социально-демографические и социокультурные характеристики духо-

⁴⁵ Ореханов Георгий, иерей. На пути к Собору. Церковные реформы и Первая русская революция. М., 2002; Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен. (Конец 1890-х – 1918 гг.) М., 2002. С. 175–250. См. также: Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006. С. 168–180.

⁴⁶ Соловьёв И. Церковь и революция // Российская Церковь в годы революции 1917–1918 гг. М., 1995. С. 3–11; Цыпин Владислав, протоиерей. Русская Церковь 1917–1925 гг. М., 1996; Кашеваров А.Н. Православная российская церковь и советское государство (1917–1922 гг.). М., 2005; Кравецкий А.Г. Церковная миссия в переходную эпоху: от церкви господствующей к церкви гонимой // Церковь и время. М., 2003. № 3 (24). С. 170–187.

⁴⁷ См., например: Косых В.И. Забайкальская епархия накануне и в годы Первой российской революции. Чита, 1999; Божье В.С. Материалы к истории церковно-религиозной жизни Челябинска. 1917–1937 гг. // Челябинск неизвестный. Краеведческий сб. Вып. 2. Челябинск, 1998. С. 107–198; Беликова Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России. (Конец XIX – первая треть XX вв.). Краснодар, 2004.

⁴⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 1.

венства РПЦ на протяжении конца XIX – начала XX вв. Конюченко создан собирательный портрет среднестатистического представителя архиерейского корпуса⁴⁹.

Тема о пассивной оппозиционности царскому престолу части епископата РПЦ и преподавателей духовных заведений накануне 1917 г. затрагивается в статье И. Лобановой⁵⁰. В период Первой российской революции произошла определённая поляризация епископата: одна его часть считала, что церковь должна встать на сторону монархии, а другая – что та должна быть аполитичной. Перекликается с данной проблематикой и работа Ю. Белоноговой, в которой, во-первых, повторяется тезис советской историографии, что в начале XX в. подавляющее большинство иерархов по своим политическим убеждениям были монархистами. Во-вторых – что епископат фактически не признавал прав императора в делах церковного управления⁵¹.

В трудах ряда авторов рассматривается возникновение в 1905 г. внутрицерковного либерально-обновленческого движения. Анализируются его цели и задачи, биографии его руководителей⁵². Прозвучал вывод, что деятельность участников этих движений, в конечном итоге, способствовала осуществлению в России социалистической революции⁵³. Среди работ 90-х гг. необходимо отметить и монографию А. Кашеварова, первого из исследователей, который указал на необходимость пересмотра тезиса советской историографии об отношении церкви к падению царского режима как к величайшей-де трагедии⁵⁴.

Основные этапы церковно-государственных отношений с точки зрения эволюции российской правовой базы рассматриваются в монографии историка М. Одинцова. В частности, автор делает выводы, во-первых, о безрезультатности десятилетней борьбы Государственных дум четырёх созывов за вероисповедные реформы, во-вторых, о недовольстве со стороны духовенства Русской православной церкви сложившимися отношениями с обер-прокурорской властью и, в-третьих, что духовенство «никак не вступало в оппозицию политической власти»⁵⁵.

История московских духовных школ (главным образом академии) в период 1905–1917 гг. разбирается в монографиях протодьякона Сергия Голубцова. Автор занимается разработкой сюжетов, практически незамеченных предшествующей ис-

⁴⁹ Конюченко А.И. Архиерейский корпус Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века. Челябинск, 2005; *Его же*. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2006.

⁵⁰ Лобанова И.В. Восстановление патриаршества в России в контексте политических событий начала XX века // Отечественная история. М., 2005. № 3. С. 139–143.

⁵¹ Белоногова Ю.И. Отношения иерархов Русской Православной церкви и государственной власти в начале XX в. // Ежегодная богословская конференция (далее – ЕЖБК) ПСТБИ. Материалы 2002 г. М., 2002. С. 138–145.

⁵² Буфеев К., священник. Патриарх Сергей, обновленчество и несостоявшаяся реформация Русской Церкви XX века // Богослужебный язык Русской церкви: история, попытки реформации. Сб. статей. М., 1999. С. 149–188; «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). (1922–1944 гг.) / Сост. И.В.Соловьёв. М., 2002; Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века // Учёные записки. Российский православный университет апостола Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000. С. 5–50.

⁵³ Останина О.В. Обновленчество и реформаторство в Русской православной церкви в начале XX века. Л., 1991. С. 37, 154, 156.

⁵⁴ Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917–1945 гг. СПб., 1995. С. 17.

⁵⁵ Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 29.

ториографией: состояние духовных школ в начале XX в., персоналии профессоров, студенческие демократическо-революционные движения, общественно-благотворительная и просветительская деятельность академии, разработка её нового Устава, издательская деятельность и прочее. Его работу продолжает В. Тарасова, которой принадлежит обобщающий труд по исследованию институциональной и социокультурной истории всех духовных академий РПЦ⁵⁶.

Т. Леонтьева отмечает факт непропорционально большого числа выходцев из духовного сословия (по сравнению с немногочисленностью самого сословия) среди руководящего состава различных партий: эсеров, большевиков и кадетов. При этом автор говорит об оппозиционных самодержавию настроениях духовенства и отмечает, что весной 1917 г. падению монархии «духовенство постаралось придать пасхально-праздничный характер»⁵⁷.

История ведомства протопресвитера военного и морского духовенства, его функционирование и деятельность пастырей исследуются в ряде монографий и статей⁵⁸. Историографический обзор работ по исследованию военных священнослужителей сделан в работе М. Ивашко⁵⁹. В перечне наименее разработанных учёными тем автор выделяет поведение духовенства в период Февральской революции и после её победы. Однако этот пробел восполнен исследованиями о политической позиции духовенства Русской православной церкви в период весны и лета 1917 г.⁶⁰

Изучению программ различных юбилейных торжеств, происходивших в империи на рубеже XIX–XX вв., посвящены статьи работающего в Германии отечественного историка К. Цимбаева⁶¹. Автор отмечает, что 3/4 этих праздников (из более чем 160 известных) пришлось на последнее десятилетие перед Февральской рево-

⁵⁶ Голубцов Сергей, протодьякон. Московская духовная академия в начале XX в. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. М., 1999; *Его же*. Московская Духовная академия в эпоху революций. Академия в социальном движении и служении. По материалам архивов, мемуаров и публикаций. М., 1999; Тарасова В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX вв. История императорских православных духовных академий. М., 2005.

⁵⁷ Леонтьева Т.Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. М., 2001. № 3. С. 170–178; *Её же*. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. М., 2001. № 1. С. 36, 38

⁵⁸ Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и вооружённые силы России в 1800–1917 гг. СПб., 1999; Жукова Л. Военное духовенство в период Русско-Японской войны 1904–1905 гг. // Моё Отечество. М., 2001. № 1. С. 34–51; Поляков Георгий, протоиерей. Военное духовенство России. М., 2002; Котков В.М. Военное духовенство России. В 2 тт. СПб., 2004; Кострюков А.А. О некоторых условиях служения военного духовенства в годы Первой мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (далее – ПСТГУ). История. История РПЦ. М., 2005. Вып. II:1. С. 24–44; *Его же*. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. М., 2005. № 2 (31). С. 143–198.

⁵⁹ Ивашко М.И. Русская православная церковь и Вооружённые силы (XVIII – начало XX вв.). Историографическое исследование. М., 2004.

⁶⁰ Бабкин М.А. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. М., 2003. № 6. С. 59–71; *Его же*. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // Отечественная история. М., 2005. № 3. С. 109–124.

⁶¹ Цимбаев К.Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. М., 2005. № 6. С. 42–51; *Его же*. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. М., 2005. № 11. С. 98–108.

люцией. Проведение юбилеев преследовало цель успокоить общество, нивелировать в нём революционные настроения, а также объединить народ вокруг трона и церкви. Цимбаев указывает на большую (зачастую – преобладающую) роль, которая в этих праздниках отводилась религиозным церемониям: литургиям, молебнам, проповедям и проч. В его работах показано значительное влияние духовенства на общественное сознание граждан России⁶².

Сходной с «юбилейной» тематикой (в культурологическом аспекте) занимается и Б. Колоницкий. Он рассматривает процесс самоорганизации революционных стихийных движений в России в послефевральский период 1917 г. вокруг «старых» и «новых» политических символов⁶³. Автор указывает на участие духовенства в революционных событиях и торжествах (например, в т. н. «днях свободы»), на религиозную подоснову массового политического сознания. Но всё же проявления революционности духовенства автор считает единичными, а не носящими массовый характер. Подробно о роли духовенства в различных революционных праздниках («днях свобод», «похорон жертв революции», 1 Мая и других) рассматривается в статье автора настоящей диссертации⁶⁴. В ней отмечается, что практически повсеместное участие священнослужителей в этих праздниках давало пастве пример положительного отношения к свержению династии Романовых.

Первым из исследователей к изучению материалов многочисленных епархиальных съездов духовенства и мирян, состоявшиеся весной 1917 г., обратился П. Леонтьев⁶⁵. Им лишь вкратце рассматриваются (буквально обозначаются) основные тенденции работы этих церковных форумов, вскользь упоминается о радикальном характере их постановлений по политическим вопросам.

В современной историографии возникло новое направление – исследование имевшей место весной и летом 1917 г. т. н. «церковной революции». В целом ряде работ⁶⁶ получила освещение борьба рядовых клириков с иерархией за немедленное проведение насущных реформ, направленных на широкую демократизацию внутрицерковной жизни и достижение социальной справедливости в духовной среде. Авторы исследуют внутрицерковные кризисы того периода, среди которых: утрата

⁶² См. также: *Миронов Б.Н.* Народ-богоносец или народ-атеист? Как россияне верили в Бога накануне 1917 года // *Родина*. М., 2001. № 3. С. 52–58.

⁶³ *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

⁶⁴ *Бабкин М.А.* Реакция Русской православной церкви на свержение монархии в России (участие духовенства в революционных торжествах) // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2006. № 1. С. 70–90.

⁶⁵ *Леонтьев П.Я.* Революция в Церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 г. // *Церковь в истории России*. М., 1998. Вып. 2. С. 214–248.

⁶⁶ См.: *Бакулин Б.* Несвоевременные воспоминания // *На пути к свободе совести*. Вып. II. М., 1993. С. 149–163; *Фруменкова Т.Г.* Высшее православное духовенство в России в 1917 г. // *Из глубины времён*. Вып. 5. СПб., 1995. С. 74–94; *Шкаровский М.В.* «Религиозная революция» 1917 года и её результаты // 1917-й: Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Материалы науч. конф. Новгород, 1998. С. 61–76; *Фирсов С.Л.* Революция 1917 г. и попытки «демократизации» Русской Церкви // *Церковно-исторический вестник*. М., 2000. № 6–7. С. 196–208; *Завитновский И.В.* Церковная революция и церковное украинство // *Вестник молодых учёных*. Серия: Исторические науки. СПб., 2001. № 2 (5). С. 15–31; *Рогозный П.Г.* «Церковная революция» и выборы архиереев в 1917 г. // *Исторические записки*. М., 2004. Т. 7 (125). С. 275–322.

Святейшим синодом контроля над управлением епархиями, изгнание с кафедр архиереев по инициативе съездов духовенства и мирян, подрыв экономической базы сельских пастырей, исход и изгнание духовенства из приходов и прочее. На волне «церковной революции» в среде духовенства национальных окраин империи имели место центробежные явления, направленные на получение независимости от центральной церковной власти. Исследование этих процессов проведено в работах ряда церковных и светских авторов⁶⁷.

Среди упомянутых работ многоаспектностью выделяется работа М. Нечаева. На примере уральских епархий он рассматривает вопросы, вынесенные в заглавия параграфов, в частности: «Политика Временного правительства по отношению к церкви (март–июль)», ««Церковная революция» на Урале (март–июнь 1917 г.)», «Крестьяне и церковь (март–октябрь 1917 г.)», «Начало церковного строительства (июль–октябрь 1917 г.)»⁶⁸. Вопрос же об отношении духовенства к свержению монархии автором обойдён вниманием.

В статье А. Соколова достаточно подробно рассмотрены взаимоотношения Святейшего синода с Временным правительством. Но при исследовании автор, как и его предшественники, не использовал такой источник, как богослужебные чины Русской православной церкви, изменения которых были осуществлены в марте 1917 г. Как следствие, А. Соколов упустил из виду ряд важных аспектов в рассматриваемых им вопросах⁶⁹. Это недостаток восполнен в другой работе⁷⁰.

Характерно, что в историографии существует существенные различия во мнениях относительно мотивации действий Святейшего синода РПЦ во время февральско-мартовских событий 1917 г. Отмечается по сути равнодушное, но в то же время несколько неясно выраженное отношение синода к свержению Николая II. Действия иерархии во время событий Февральской революции явились, по мнению авторов, закономерным следствием «раболепной привычки к пассивному восприятию политических событий»⁷¹, которая сформировалась у духовенства Русской православной церкви на протяжении двухвекового синодального периода.

В большинстве трудов лишь вскользь упоминается о поддержке революции со стороны духовенства РПЦ в марте 1917 г. В основном авторы ограничиваются указанием на левую политическую ориентацию части священнослужителей и констатацией фактов о многочисленных приветственных посланиях Временному правительству со стороны российского духовенства. В отдельных трудах упоминается о благословении иерархами РПЦ «цареотступничества», о широком клятвопреступлении

⁶⁷ *Фотиев Кирилл, протоиерей.* Попытки Украинской Церковной автокефалии в XX в. // Православная церковь на Украине и в Польше в XX в. 1917–1950 гг. М., 1997. С. 9–85; *Свитич А.* Православная церковь в Польше и её автокефалия // Там же. С. 87–290; *Феодосий (Процюк), митрополит.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. 1917–1943 гг. М., 2004.

⁶⁸ *Нечаев М.Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922 гг. Пермь, 2004.

⁶⁹ *Соколов А.В.* Святейший синод и Временное правительство: февраль–апрель 1917 года // Вестник молодых учёных. Серия: Исторические науки. СПб., 2001. № 2 (5). С. 32–41.

⁷⁰ *Бабкин М.А.* Святейший синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. М., 2005. № 2. С. 97–109.

⁷¹ *Данилушкин М.Б., Никольская Т.К., Шкаровский М.В. и др.* История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. 1917–1970 гг. СПб., 1997. С. 87–88, 93.

священнослужителей в марте 1917 г., об их «фактическом отречении от Царя»⁷², а также об отказе духовника императора и других представителей придворного духовенства следовать с Царской семьёй в августе 1917 г. в тобольскую ссылку⁷³. При этом мотивы революционной деятельности духовенства не раскрываются. Лишь констатируется, что во время заседаний Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг. судьба находившейся в заключении Царской семьи соборян не интересовала⁷⁴.

В целом, в современной историографии (и светской, и церковной) утвердилась точка зрения, что Февральская революция дала Русской церкви освобождение от пут государственно-бюрократической системы и создала благоприятные условия для внутреннего реформирования и переустройства своего высшего управления.

Тем не менее, в тот период были и особенности, не вполне вписывающиеся в данную схему. Так, отдельные историки акцентируют внимание на попытке концентрации обер-прокурором Временного правительства В.Н. Львовым церковной власти в своих руках, а также на начавшихся в послефевральский период 1917 г. гонениях на епископат со стороны местных и центральных властей⁷⁵.

В последние годы появились и труды, охватывающие весь синодальный период РПЦ. По своему характеру они носят достаточно обзорный характер. Среди них системностью изложения выделяется труд В. Фёдорова⁷⁶. Для краеведческой литературы характерен повышенный интерес к миссионерской, проповеднической, религиозно-просветительской, законоучительской и социально-политической деятельности православного духовенства. Приоритетными темами краеведов являются исторические описания церквей, приходов, монастырей, церковных организаций и епар-

⁷² *Миронова Т.* Кровь Его на нас и на детях наших. О грехе отречения русских от своего Царя // Сб. статей и документов науч.-богосл. конф. «О канонизации Государя Императора Николая II». М., 1999. С. 63–70; *Степанов А.Д.* Чёрная сотня. Взгляд через столетие. СПб., 2000. С. 63.

⁷³ *Соловьёв Вл.* Охота на венценосца: интервью старшего прокурора-криминалиста Вл. Соловьёва с корреспондентом журнала «Родина» // Родина. М., 2005. № 1. С. 63.

⁷⁴ Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) / Авт.-сост. С.В.Фомин. М., 2003. С. 132.

⁷⁵ *Гайда Ф.А.* Русская церковь и политическая ситуация после Февральской революции 1917 г. (К постановке вопроса) // Материалы по истории русской иерархии. Статьи и документы. М., 2002. С. 60–68; *Грюнберг П.Н.* О положении епископата РПЦ при Временном правительстве. (По новым открытым источникам) // Там же. С. 69–91.

⁷⁶ *Бычков С.С.* Русская Церковь и императорская власть. Очерки по истории Православной Российской Церкви (1700–1917 гг.). М., 1998. Т. 1; *Нечаева М.Ю.* Церковь в модернизирующемся обществе России XVIII – начале XX века // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6. С. 260–285; *Цытин Владислав, протоиерей.* Русская Православная Церковь в синодальную эпоху. 1700–1917 гг. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 109–133; *Митрофанов Георгий, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. 1700–1917 гг. СПб., 2002; *Фёдоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг. М., 2003.

хий⁷⁷. Историографические труды, хронологически охватывающие первую четверть XX в., сделаны в статьях и отдельных главах монографий ряда авторов⁷⁸.

Одним из наиболее востребованных исследователями церковно-государственных отношений сюжетов послефевральского периода 1917 г. является Поместный собор РПЦ. Предпосылки его созыва и организационная работа по его проведению рассмотрены в трудах священника Г. Ореханова, С. Фирсова и дьякона И. Соловьёва⁷⁹. Восстановление патриаршества и церковно-реформаторская деятельность исследованы у ряда светских и церковных историков⁸⁰. Восстановление в России института патриаршества у церковных авторов объясняется стремлением РПЦ к «каноническому самоуправлению» и «полноте церковного устройства»⁸¹.

Дискуссии православного сообщества по многочисленным вопросам канонического права (например, церковного суда, института брака и развода, второбрачия священнослужителей, молитв за инославных и с инославными) нашли отражение в труде Е. Беляковой⁸². Коллективом российских и зарубежных историков сделан подробный обзор деяний Поместного собора⁸³. Однако позиция членов Поместного собора к свержению монархии (в ретроспективном плане) пока не рассмотрена.

Внимание историков РПЦ стали привлекать субъективные факторы в церковно-государственных отношениях. Появились работы с биографическими описаниями видных иерархов: владык Тихона (Белавина), Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского), Владимира (Богоявленского), Вениамина (Казанского) и других⁸⁴.

⁷⁷ См., например: *Катунин Ю.А.* Из истории христианства в Крыму. (Вторая половина XIX – начало XX вв). Симферополь, 1995; *Катунин Ю.А.* Монастыри Крыма в XIX–XX вв. (По материалам крымских архивов). Симферополь, 2000; *Мавлютова Г.Ш.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX вв.). Тюмень, 2001; *Лавринов Валерий, протоиерей.* Екатеринбургская епархия: события, люди, храмы. Екатеринбург, 2001.

⁷⁸ *Фирсов С.Л.* Краткий обзор обобщающих трудов и серийных изданий по истории Русской православной церкви // *Нестор.* СПб., 2000. № 1. С. 419–428; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М., 1999. С. 7–56; *Бабкин М.А.* Современная российская историография взаимоотношений Русской православной церкви и государства в начале XX века (досоветский период) // *Отечественная история.* М., 2006. № 6. С. 171–180.

⁷⁹ *Ореханов Георгий, иерей.* На пути к Собору. ... Указ. соч.; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь ... Указ. соч. С. 261–425, 506–534; *Соловьёв Илья, дьякон.* Обсуждение вопроса о патриаршестве на Предсоборном присутствии // *XV ЕжБК ПСТГУ.* М., 2005. Т. 1. С. 355–362.

⁸⁰ *Вострышев М.* Восстановление патриаршества // *ЖМП.* 1992. № 11–12. С. 11–21; *Одинцов М.И.* Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью // *Церковно-исторический вестник.* М., 2001. № 8. С. 121–138; *Цыпин Владислав, протоиерей.* Вопрос о епархиальном управлении на Поместном соборе 1917–1918 годов // *Церковь и время.* М., 2003. № 1 (22). С. 156–167.

⁸¹ *Цыпин Владислав, протоиерей.* Русская Церковь 1917–1925 гг. Указ. соч. С. 35.

⁸² *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. Дискуссии в Православной российской церкви начала XX в. Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. М., 2004.

⁸³ Священный собор Православной российской церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. В 3 тт. М., 2000–2003.

⁸⁴ *Вострышев М.* Патриарх Тихон. Серия ЖЗЛ. М., 2004; *Страж Дома Господня.* Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский) / Авт.-сост. С.В.Фомин. М., 2003; *Фирсов С.Л.* Время в судьбе. Святейший патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). (О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века). СПб., 2005; *Казем-бек А.Л.* Жизнеописание святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия I // *Богословские труды.* М., 1998. Вып.

В центре внимания исследователей, занимающихся началом советского периода – история гонений власти на духовенство и религию в целом. При этом, в отличие от советской историографии, ответственность за начало гонений возлагается не на церковь, а на советскую власть. Зачастую авторы ограничиваются «доказательством» антицерковного характера политики советской власти. Такая позиция не приближает к пониманию причин и особенностей конфликта между церковью и государством в начале 1920-х гг., поскольку многие его корни, на наш взгляд, более следует искать не в атеистической программе большевиков, а в политической позиции духовенства РПЦ в предшествующем – послефевральском периоде 1917 г.

На рубеже XX–XXI вв. появились исследования, в которых проведён анализ изменений богослужебных книг и чинов, осуществлённых в XVII в., в начале XX в. и в 1917 г.⁸⁵ Ряд этих изменений был осуществлён по политическим мотивам. Исследование чинов коронований государей и текстов, свидетельствующих о харизматической природе царской власти, проведён филологами и византологами Г. Острогорским, Б. Успенским, В. Живовым и протоиереем В. Асмусом⁸⁶. Эти учёные продолжили труды своих дореволюционных предшественников. Они утверждают о широких правах и полномочиях императоров в Православной церкви. Названными авторами освещены взаимоотношения церкви и государства со стороны историко-богословской проблемы «священства-царства» (в основном – на примере Византии, допетровской Руси и начального этапа синодального периода РПЦ). Ими исследуются процессы, связанные с переосмыслением византийской культурной модели в

34. Юбилейный сб. С. 13–185; *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999; *Крикота Николай, иерей.* «Я готов отдать свою жизнь за Церковь». Жизнеописание священномученика Владимира, митрополита Киевского и Галицкого. М., 2002; *Царю Небесному и земному верный.* Митрополит Макарий Московский, апостол Алтайский (Парвицкий-Невский). 1835–1926 гг. / Авт. и сост. Т. Гроян. М., 1996; Митрополит Вениамин (Казанский). Краткая биография / Сост. А.Б., А.Г. // Христианское чтение. СПб., 1991. № 6. С. 5–8; *Коняев Н.М.* Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский. Документальное повествование. М., 2005; *Да будет воля Твоя.* Житие и труды священномученика Серафима (Чичагова). М., 2003; *Во имя правды и достоинства Церкви.* Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского / Авт.-сост. А.В. Журавский. М., 2004; *Ради мира духовного.* Жизненный путь и архиерейское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника / Сост. И.Г. Менькова и др. М., 2006. Кн. 2; *Зеленогорский М.Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991; *Архиепископ Димитрий, в схиме Антоний (Абашидзе).* Жизнеописание. Слова, воззвания и письма. Сергиев Посад, 2006; *Агафонов П.* Архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник. Пермь, 1996; *Архиепископ Феодор (Поздеевский).* Жизнеописание. Избранные труды. Сергиев Посад, 2000; *Мраморнов А.И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006.

⁸⁵ *Алфёров Тимофей, священник.* О литургическом творчестве // Русский пастырь. Джорданвилль, 1995. № 22–23 (2/3). С. 127–138; *Богослужебный язык Русской церкви: история, попытки реформации.* Сб. статей. М., 1999; *Кравецкий А.Г., Плетнёва А.А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX вв.). М., 2001.

⁸⁶ *Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 33–42; *Успенский Б.А.* Литургический статус царя в Русской церкви: приобщение Св. Тайнам // Учёные записки. Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Вып. 2. М., 1996. С. 130–170; *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог. (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47–153; *Асмус Валентин, протоиерей.* «Господи, спаси царя» (Пс. 19. 10): молитва о царе в православном богослужении // ЕжеБК ПСТБИ. М., 2000. С. 97–107.

российских реалиях: в частности – представления русского православного сознания об особой харизме как царя, так и патриарха⁸⁷. События же начала XX в. и 1917 г. рассматриваются названными учёными весьма эпизодически. Однако о. Валентин Асмус, рассуждая об отношении духовенства РПЦ к исчезновению в 1917 г. в России царской власти и отмечая его «удивительно равнодушную» реакцию на февральско-мартовские события, объясняет этот факт недовольством священнослужителей «ненормально высоким местом Императора в Церкви»⁸⁸. Таким образом, о. Валентин вплотную приблизился к рассмотрению церковно-государственных отношений 1917 г. с точки зрения проблемы «священства-царства».

Касательно вопроса о церковных полномочиях императоров, о. Валентин говорит, что отсутствие теоретического рассмотрения власти царя в церкви подобно тому, что в истории древней церкви не было составлено и обоснования такого учреждения, как Вселенский собор. Напоминая, что в последние годы среди христиан обсуждается идея созыва нового Вселенского собора, Асмус говорит, что канонические основания этого собора, не существующие в теории, приходится выводить из исторической практики. Соответственно, – делает он вывод – и церковные полномочия царя (теорию) можно вычислить из тех фактов, которые известны исторической и богословской науке⁸⁹. Тем более, – подводит о. Валентин черту – что в практике церковно-государственных отношений Византии «право царя православного на руководящее влияние во всех сферах церковной жизни: в юрисдикции, в учении, в богослужении – не оспаривалось; узловые события церковной истории – Вселенские Соборы – также немыслимы без царского предводительства»⁹⁰.

Таким образом, в современной историографии проблематика исследований достаточно широка. Тем не менее работ, в которых специально исследуется проблема политической позиции духовенства РПЦ в рассматриваемый период, и особенно во время Первой российской революции 1905–1907 гг., крайне мало. В основном этот вопрос упоминается вкратце, в контексте других рассматриваемых проблем.

В последние полтора десятилетия отечественная историография церковно-государственных отношений развивалась в тесном контакте с зарубежной. Их сотрудничество выразилось в общих исследовательских подходах, совместном участии в научных конференциях и исследовательских проектах: например, в создании трёхтомного Обзора деяний Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг. немецкими авторами Г. Шульцем и Г. Шредером с российскими коллегами А. Кравецким и А. Плетневой. В качестве примера научного сотрудничества можно указать и на переводы работ англичанина В. Мосса⁹¹. Также зарубежные авторы выступают на страницах

⁸⁷ Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000; *Его же*. Царь и патриарх. Харизма власти в России: византийская модель и её русское переосмысление. М., 1998; Асмус Валентин, протоиерей. Учение св. царя Юстиниана о священстве и царстве // ЕЖБК ПСТБИ. Материалы 1992–1996 гг. М., 1996. С. 34–40.

⁸⁸ Асмус Валентин, протоиерей. Царство вечное. Указ. соч. С. 9.

⁸⁹ Асмус Валентин, протоиерей. Церковные полномочия императоров в поздней Византии // ЕЖБК ПСТБИ. Материалы 2002 г. М., 2002. С. 74–80.

⁹⁰ Асмус Валентин, протоиерей. Седьмой Вселенский собор 787 г. и власть императора в Церкви // *Regnum Aeternum* (Царство Вечное). М.–Париж, 1996. № 1. С. 68.

⁹¹ Мосс В. Православная Церковь на перепутье. (1917–1999 гг.) /Пер. с англ. Т.А. Сенина. СПб., 2001; *Его же*. Догматическое значение православного самодержавия /Пер. с англ. священника С. Красовицкого. М., 1997.

российских историко-богословских и академических журналов, являются членами редколлегий некоторых церковных изданий.

В качестве недостаточно решённых исторической наукой проблем можно назвать такие, как отношение РПЦ к институту царской власти на протяжении синодального периода, к народовластию, вопрос о роли императора в деятельности церкви. Остаются невыясненными механизмы трансформации мировоззрения духовенства под влиянием войн и революций, не исследован процесс политической переориентации священнослужителей с начала XX в. до Февральской революции. Недостаточно освещена и роль церковной иерархии в процессе признания российским обществом народовластия⁹² как формы государственного правления.

Источниковая база исследования достаточно обширна и может быть представлена пятью группами. Первую группу образуют законодательные акты России и официальные документы РПЦ. К ним, в частности, относятся «Духовный регламент», «Полное собрание законов Российской империи» и «Свод законов Российской империи»⁹³. В этих собраниях определён статус РПЦ в государстве, говорится об управлении и правовом положении православного духовенства. К документам, очерчивающим взаимоотношения с церковью властей, относятся «Сборник указов и постановлений Временного Правительства», «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» и «Декреты Советской власти»⁹⁴.

К материалам официального характера относятся выходившие практически ежегодно (с 1891 по 1916 гг.) «Всеподданнейшие отчёты обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания». В них содержатся сведения о деятельности синода и всего духовного ведомства за истекший год, церковном бюджете, духовных учебных заведениях, монастырях, а также обширные статистические сведения по епархиям.

Важными источниками о подготовке в начале XX в. церковной реформы и Поместного собора РПЦ являются материалы Предсоборного присутствия (1906 г.) и Предсоборного совещания (1912–1913 гг.) (публиковавшиеся в «Церковных ведомостях» и, касательно Предсоборного присутствия – отдельно⁹⁵), а также трёхтомный сборник персональных мнений епископата о необходимых церковных преобразованиях⁹⁶. По ним можно судить, в частности, о дискуссиях о форме внутрицерковного управления и обсуждавшихся моделях взаимоотношений церкви и государства. К этой же группе можно отнести и материалы Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг. Они являются базой как для изучения церковно-государственных отношений в рас-

⁹² Народовластие (или представительная демократия) – это «осуществление власти народом через представительные органы государственной власти и местного самоуправления» (Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. С. 326).

⁹³ Духовный Регламент (Устав Духовной Коллегии). М., 1897; Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1908. Т. XXV. Отделение I. 1905 год, 1909. Т. XXVI. Отделение I. 1906 год; Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ). СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1; СЗРИ. СПб., 1912. Т. 1. Ч. 1.

⁹⁴ Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Пг., 1917. Вып. 1; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

⁹⁵ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учреждённого Предсоборного Присутствия. В 4 тт. СПб., 1906–1907.

⁹⁶ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 3 тт. СПб., 1906.

смаатриваемый период, так и для оценки позиции церкви по отношению к происшедшим в стране событиям⁹⁷.

В качестве источника, позволяющего проследить официальную политическую линию церкви, используются и богослужебные книги (некоторые из них – различных лет изданий)⁹⁸. Изменения молитвословий и чинопоследований, произведённые Святейшим синодом в феврале 1901 г., марте и ноябре 1917 г., характеризуют отношение РПЦ к различным государственным властям, а также, в определённом смысле, и желаемое для высшего духовенства его место в политической системе страны.

Вторая группа источников настоящей работы – материалы центральных и местных архивов. Они представлены:

1) Российским государственным историческим архивом: ф. 796 «Канцелярия Святейшего синода», ф. 797 «Канцелярия обер-прокурора синода», ф. 806 «Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства синода. 1907–1918 гг.», ф. 833 «Священный Собор Православной Российской Церкви. 1917–1918 гг.» и ф. 1278 «Государственная дума»;

2) Государственным архивом Российской Федерации: ф. 550 «Митрополит Новгородский и Старорусский Арсений», ф. 601 «Император Николай II», ф. 1467 «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц», ф. 1778 «Канцелярия министра-председателя Временного правительства», ф. 1779 «Канцелярия Временного правительства», ф. 3431 «Всероссийский церковный Поместный Собор 1917–1918 гг.» и ф. Р-4652 «Канцелярия патриарха Тихона»;

3) Научно-исследовательским Отделом рукописей Российской государственной библиотеки: ф. 26 «Беляев Александр Дмитриевич (1852–1919 гг.), богослов, профессор Московской духовной академии», ф. 59 «Восторгов Иоанн Иоаннович (1867–1918 гг.), протоиерей», ф. 60 «Всероссийский съезд духовенства и мирян в 1917 г. в Москве» и ф. 765 «Никон (Н.И. Рождественский) (1851–1918 гг.), архиепископ, член Государственного Совета и Синода»;

4) Российским государственным архивом древних актов: ф. 1204 «Троице-Сергиева лавра», ф. 1207 «Чудов монастырь», ф. 1208 «Юрьев-Новгородский монастырь», ф. 1441 «Кирилло-Белозерский монастырь», ф. 1449 «Хотьков Покровский монастырь», ф. 1450 «Угличский Покровский монастырь»;

5) Российским государственным архивом военно-морского флота: ф. р-92 «Штаб Командующего флотом Балтийского моря», ф. 389 «Дивизия траления Северного Ледовитого океана», ф. 417 «Главный Морской штаб. Петроград (1884–1918 гг.)», ф. 418 «Морской Генеральный штаб», ф. 715 «Штаб начальника речных сил на р. Дунае», ф. 870 «Вахтенные и шканечные журналы (коллекция)»;

6) Российским государственным архивом кинофотодокументов: раздел каталога фильмофонда АІ 20;

⁹⁷ Собрание определений и постановлений Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 10 тт. М., 1994–2000. Продолжающееся издание.

⁹⁸ Например: Божественная литургия иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго. М., 1889; Чин исповедания и обещания архиерейского. СПб., 1901; Последование в неделю Православия. СПб., 1904; Служебник. Пг., 1916.

7) Центральным историческим архивом Москвы: ф. 203 «Московская духовная консистория», ф. 420 «Московский ставропигиальный мужской Симонов монастырь», ф. 421 «Московский Донской ставропигиальный мужской монастырь», ф. 1176 «Московский Богоявленский мужской монастырь», ф. 1179 «Московский Ивановский женский монастырь», ф. 1185 «Московский Страстной женский монастырь», ф. 1321 «Казанский Головинский женский общежительный монастырь»;

8) Государственным архивом Свердловской области: ф. 6 «Екатеринбургская духовная консистория», ф. 251 «Благочинный Камышловского уезда»;

9) Центром документации общественных организаций Свердловской области: ф. 221 «Партийный архив Свердловского обкома КПСС»;

10) Объединённым государственным архивом Челябинской области: ф. 874 «Чернавский Николай Михайлович (1872–1940). Историк, краевед, член Оренбургской учебной архивной комиссии».

В архивах в первую очередь изучены определения Святейшего синода, распоряжения, послания к пастве и проповеди архиереев, резолюции различных съездов и собраний духовенства, проходивших весной и летом 1917 г. на различных уровнях, телеграммы, посланные от представителей епископата и от церковных съездов на имя представителей государственной власти. Также изучены стенограммы Поместного собора РПЦ. Всего в рамках диссертационного исследования изучены материалы 40 фондов 6 федеральных и 4 региональных архивов: около тысячи дел, значительное количество которых впервые введено в научный оборот.

Третью группу источников составляют мемуары, воспоминания, дневники и переписка. Среди этой литературы особый интерес представляют труды непосредственных участников и очевидцев событий начала XX в. и особенно 1917 г. К их числу относятся дневники императора Всероссийского Николая II, его матери – императрицы Марии Фёдоровны, высших государственных чиновников: Н.Д. Жевахова – товарища (заместителя) обер-прокурора синода, смещённого с этой должности в первые дни марта 1917 г., дворцового коменданта Николая II В.Н. Воейкова и обер-прокуроров Святейшего синода при Временном правительстве В.Н. Львова и А.В. Карташева. Сюда же относятся и труды непосредственных участников и руководителей Февральской революции: председателя Временного правительства (в его первом составе – военного министра) А.Ф. Керенского, председателя IV Государственной думы М.В. Родзянко, двух министров Временного правительства первого состава – иностранных дел П.Н. Милюкова и военного и морского А.И. Гучкова, управляющего делами Временного правительства того же состава В.Д. Набокова, военного министра Временного правительства третьего коалиционного состава А.И. Верховского, начальника канцелярии Государственной думы Я.В. Глинки, а также посла Франции М. Палеолога. Воспоминания этих лиц фактически позволяют составить «протокол событий» предреволюционных лет и Февральской революции.

При исследовании невозможно было обойтись без изучения трудов и мемуаров церковных, военных, политических и других деятелей России: митрополитов Евлогия (Георгиевского), Вениамина (Федченкова) и Нестора (Анисимова), архимандрита Феодосия (Алмазова), протопресвитеров Георгия Шавельского, Николая Любимова, Василия Виноградова и Василия Зеньковского, протоиереев Иоанна Восторгова и Владимира Красницкого, священника Сергия Булгакова и иеромонаха Илиодора (Труфанова), генерала А.И. Деникина, офицеров Ф. Винберга и С. Маркова, ли-

дерев социал-демократии В.И. Ульянова (Ленина), правых – Н.Е. Маркова, а также Л.А. Тихомирова, С.П. Мельгунова и других. Сюда же относятся статьи, проповеди и письма митрополита Антония (Храповицкого), переписка о.о. Павла Флоренского и Сергия Булгакова, воспоминания писателей-публицистов Н. Розанова и С. Нилуса.

Труды многих из названных авторов (в первую очередь – Карташёва, Миллюкова и Мельгунова) можно рассматривать как, в определённом смысле, полумемуары, более относящиеся к историографии. Они построены на анализе происходивших в стране в рассматриваемый период общественно-политических процессов.

В качестве четвёртой группы источников использована церковная и светская периодическая печать начала XX в. – 1917 г. Касательно рассмотрения событий Февральской революции, общее количество использованной в диссертации церковной периодики составляет около 95% от всех официальных изданий РПЦ в 1917 г.

К отдельной, пятой группе источников можно отнести публикации документов по истории Православной церкви и российского государства в рассматриваемый период. Наиболее серьёзными и интересными следует признать сборник документов из коллекции М. Губонина, материалы следственного дела патриарха Тихона (Белавина) и публикацию писем епископа Алексия (Симанского) архиепископу Арсению (Стадницкому)⁹⁹. Большие подборки документов увидели свет в двух книгах, объединённых под названием «Православная Москва...» и сборнике «Материалы по истории русской иерархии»¹⁰⁰. В серии «Архив новейшей истории России» были опубликованы многочисленные материалы, в которых показана судьба Царской семьи с февраля 1917 г., а также журналы заседаний Временного правительства¹⁰¹. Отдельные документы увидели свет на страницах научной периодической печати¹⁰².

В конце XX в. появились фундаментальное издание по персоналиям эмиграции первой волны, справочник о жертвах советских антирелигиозных гонений и многотомная «Православная энциклопедия»¹⁰³. В этих трудах, помимо прочего, содержатся биографические сведения о многочисленных представителях духовенства.

⁹⁹ Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. Сб. Ч. 1, 2 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994; Следственное дело патриарха Тихона. Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Сост. В.В.Виноградов, иеромонах Дамаскин (Орловский), священник Георгий Ореханов и др. М., 2000; Письма патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000.

¹⁰⁰ Православная Москва в начале XX века. Сб. документов и материалов / Авт.-сост. А.Н. Казакевич, А.М. Шарипов. М., 2001; Православная Москва в 1917–1921 гг. Сб. документов и материалов / Авт.-сост. А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова, А.М. Шарипов. М., 2001; Материалы по истории русской иерархии. Статьи и документы / Сост. П.Н. Грюнберг. М., 2002.

¹⁰¹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталёв. М., 2001. Т. III. Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи; Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. М., 2001–2004. Вып. VII–X. Журналы заседаний Временного правительства.

¹⁰² Например: Император Николай II и Поместный собор Русской православной церкви. (Два письма) / Публ. Г.Ореханова, дьякона // Богословский сборник. ПСТБИ. М., 1999. Вып. 2. С. 69–73; К ранней истории обновленчества. Список членов братства «Ревнителю церковного обновления», состоящих в священном сане (октябрь 1906 г.) / Публ. Г. Ореханова, дьякона // Там же. 1999. Вып. 3. С. 222–224; Наказы членам Поместного Собора Русской Православной Церкви. 1917–1918 гг. / Публ. А.С. Ионова // Исторический архив. М. 2003. № 6. С. 145–158.

¹⁰³ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997; За Христа пострадавшие. Гонения

В заключении раздела, посвящённому анализу источников, делается вывод, что обширный комплекс источников, изученных по проблеме, позволяет достичь поставленных целей и задач диссертационного исследования.

Вторая глава «Российская православная церковь в начале XX века» содержит анализ структуры РПЦ и социального состава духовенства. В ней говорится, что Православная церковь среди конфессий империи занимала, согласно действовавшему законодательству, «первенствующее и господствующее» положение¹⁰⁴, её священнослужители являлись духовными пастырями около 70 % населения России. Всего в РПЦ было 68 епархий (с учётом Северо-Американской), которые к 1917 г. включали в себя 94 викариатства. В России в 1914 г. насчитывалось свыше 54 тыс. (без учёта военных) церквей, более 23,5 тыс. часовен и молитвенных домов; общее число духовенства превышало 112 тыс. чел.; монастырей (не считая скитов) было 1025, в них проживало около 30 тыс. монашествующих¹⁰⁵. Православная церковь имела 4 высших учебных заведения (духовных академии), располагала широкой сетью средних и начальных духовных школ: 57 семинариями и 187 духовными училищами, находившихся практически во всех епархиях. В своих 42 тыс. церковно-приходских школах (треть всех школ империи) обучались сотни тысяч православных, Русская православная церковь служила главным идейным союзником государства¹⁰⁶. Динамика приводимых в статистическом приложении цифр показывает, что в начале XX в. в РПЦ происходил практически неуклонный рост как паствы (вслед за ростом населения империи), так и численности всех слоёв духовенства.

В диссертации приводятся сведения об иерархическом устройстве РПЦ, о месте высшего органа церковной власти – Святейшего синода в системе высших органов управления империи, о функциях обер-прокуратуры, о социальном составе как высшего, так и рядового духовенства, о его среднем возрасте, уровне образования, материального обеспечения, исполняемых требованиях и проч.

Царская власть использовала РПЦ в своих идеологических, политических и социальных целях. Тесный союз государства и церкви, основанный на православной вере, имел как положительные, так и отрицательные стороны. Положительным было то, что империя, поддерживая Церковь морально и материально через институт обер-прокуратуры, избавляла епископат от рутинной бюрократически-канцелярской работы. Православной церкви в Российской империи были созданы условия наибольшего благоприятствования. Отрицательной стороной установившихся на протяжении двухвекового синодального периода государственно-церковных отношений являлось отсутствие внутренней свободы Церкви и, в первую очередь, – свободы проповеди. Первенствующая конфессия не имела в обществе самостоятельного голоса, в связи с чем достаточно широко было распространено мнение о православном духовенстве как об агенте правительства и проводнике его программ.

На примере проходивших в столице в 1901–1903 гг. религиозно-философских собраний в диссертации говорится о поиске контактов видных представителей рос-

на Русскую Православную Церковь. 1917–1956 гг. Биографический справочник. М., 1997. Кн. 1; Православная энциклопедия. М., 2000–2007. Тт. 1–12. Продолжающееся издание.

¹⁰⁴ СЗРИ. СПб., 1912. Т. 1. Ч. 1. С. 18.

¹⁰⁵ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Св. синода по ведомству Православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916. С. 117, 132, 139, Приложения №№ 1-2, 3, 9, 10. С. 5–7, 24–27.

¹⁰⁶ Всеподданнейший отчёт ... за 1914 г. Указ. соч. С. 117, 132, 139.

сийской интеллигенции с пастырями Русской православной церкви. Однако в целом по империи, особенно среди интеллигенции, росли религиозно-индифферентные настроения, наблюдалось снижение престижа церкви. Священнослужители во многом были отчуждены от паствы, не выполняли в народе свою пастырско-руководящую роль. Однако само духовенство, тяготясь обер-прокурорским контролем над своей деятельностью, видело едва ли не главную причину церковных «неурядиц» в сложившихся государственно-церковных отношениях, в установившемся в империи примате светской (царской) власти над духовной.

В отдельном параграфе рассматриваются проблемы взаимоотношений церкви и государства в 1905–1916 гг. Работа как в сфере государственного законодательства, так и церковного реформирования началась на фоне неудач России в ходе Русско-Японской войны. Особо актуально вопрос о реформе Православной церкви зазвучал после обнародования с высоты престола 12 декабря 1904 г. указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В нём объявлялось о планируемых реформах в государстве: в частности, свободы вероисповеданий. Планировалось, например, позволить подданным переход из православия в другие христианские исповедания. В связи с этим обозначилась перспектива того, что РПЦ может оказаться единственной из всех конфессий, стеснённой в своих действиях: если все вероисповедания получат свободу проповеди, то «господствующая» церковь, связанная административными и идеологическими узами с государственным аппаратом, не сможет воспользоваться предоставленными правами. Соответственно, в феврале 1905 г. на уровне Кабинета министров началось обсуждение необходимости церковных реформ. В марте по распоряжению императора вопрос этот был передан для проработки в Святейший синод. 22 марта 1905 г. синодальными архиереями было принято решение ходатайствовать перед императором о созыве в Москве всероссийского собора епархиальных епископов для учреждения патриаршества и для обсуждения перемен в церковном управлении¹⁰⁷.

В диссертации рассматриваются разные мнения духовенства о церковной реформе, высказывавшимися в 1905–1906 гг. епископатом, столичными клириками (т. н. «обновленцами») и различными съездами духовенства. Например, практически все архиереи высказали пожелания, чтобы изъять область церковных дел из ведения царской власти и передать управление церковью исключительно органам высшей духовной власти, не подконтрольным фактически никому, кроме церковных инстанций: собора, патриарха и синода¹⁰⁸. Однако зазвучали и протесты против реформы. Они стали раздаваться от обер-прокурора К.П. Победоносцева, со стороны представителей духовенства и богословов. В частности, говорилось о несвоевременности преобразований. Указывалось, что духовенство стремится освободиться от государственного контроля и надзора за своей деятельностью для того, чтобы делать в церкви всё, что ему «самому заблагорассудится»¹⁰⁹. Цепь же неудач на море и на суше в ходе Русско-Японской войны, начавшаяся в стране революция, отсутствие единомыслия в духовной и светской среде по вопросам церковного управления не

¹⁰⁷ Ореханов Георгий, иерей. На пути к Собору. ... Указ. соч. С. 69–70; Фирсов С.Л. Русская Церковь ... Указ. соч. С. 163–165.

¹⁰⁸ См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Указ. соч.

¹⁰⁹ ЦВк. СПб., 1905. № 12. С. 355.

способствовали проведению церковных реформ. Всё это заставило императора Николая II 31 марта на предложение синода созвать Собор ответить отказом¹¹⁰.

В работе анализируются объективные причины задержки созыва Собора и проведения церковной реформы. Поскольку Основные законы империи (в новой редакции появившиеся 23 апреля 1906 г.) не предусматривали особого порядка законодательства по церковным делам, то судьба реформ Православной церкви так или иначе оказывалась в зависимости от мнений членов Государственной думы и Государственного совета, состоящих из лиц, принадлежавших или к различным конфессиям, или даже атеистов. Даже Поместный собор РПЦ в случае своего созыва был бы поставлен в зависимость от членов названных учреждений, обладавших законодательными инициативами. Он не смог бы самостоятельно провести реформу церковного управления. Даже выборы патриарха так или иначе находились бы под контролем думцев. А это по сути было не приемлемо ни для духовенства, ни для императора.

В целом, разрушение синодальной системы и проведение радикальных преобразований в церковном управлении грозили разорвать союз империи и церкви и даже привести к отделению последней от государства. Перестройка религиозного фундамента монархии грозило обрушением всего здания православного государства. Поэтому Николай II, следуя советам К.П. Победоносцева, не только не торопился с проведением церковных реформ, но и осуществлял политику «подмораживания», оставляя государственно-церковные отношения в неизменном виде.

В диссертации говорится о серьёзных изменениях в вероисповедной политике после 17 апреля 1905 г. В тот день, в условиях нарастания массового леворадикального движения, император издал указ «Об укреплении начал веротерпимости»¹¹¹. Согласно ему, всем русским подданным предоставлялось право исповедовать любое вероучение, а все религии России уравнивались в правах. При этом доминирующее (господствующее) положение Русской православной церкви в государстве ослабло, ухудшилось: она оказалась единственной среди всех религиозных организаций, сохранившей неразрывную связь с государственным аппаратом.

В работе рассматривается ряд мер императора Николая II по созыву Поместного собора. Заостряется внимание и на материалах особых церковных комиссий – Предсоборного присутствия и Предсоборного совещания, работавших, соответственно, с 6 марта по 15 декабря 1906 г. и с 28 февраля 1912 г. по 3 апреля 1913 г. На первой из них 1 июня 1906 г. было принято решение рекомендовать будущему Поместному собору ввести упразднённое императором Петром I патриаршество. Через день, 3 числа, Предсоборное присутствие приняло документ «Об отношении высшего Правительства Православной Российской церкви к Верховной Государственной власти». В нём были очерчены права будущего патриарха. В целом, Предсоборное присутствие предлагало уменьшить императорское влияние в жизни Церкви: с одной стороны, чтобы государство по-прежнему выполняло перед РПЦ все политические, финансовые, охранительные и другие функции. С другой, – чтобы права Церкви не только существенно расширились, но чтобы она получила самоуправление. При этом в постановлениях Присутствия в качестве принципа церковного устройства проходил не принцип соборности (то есть участия в управлении РПЦ, помимо ие-

¹¹⁰ Церковные ведомости (далее – ЦВ). СПб., 1905. № 14. С. 99.

¹¹¹ Правительственный вестник. СПб., 1905. № 86. С. 1–2; ЦВк. СПб., 1905. № 17. С. 532–534.

рархов, белого духовенства и мирян), а полновластия епископата. С учётом планов по введению патриаршества, налицо было стремление усилить власть архиереев. Характерно и то, что Присутствие рассматривало православного царя не как верховного ктитора Православия, а как высшую государственную инстанцию, с которой должны согласовываться некоторые решения высших органов церковного управления. Но Николай II, сознавая себя верховным защитником православной веры, не мог принять рекомендации Предсоборного присутствия и согласиться на разграничение церковных и государственных дел. Он всячески оттягивал с созывом Поместного собора, хотя и понимал его необходимость.

В схемах, предлагаемых духовенством, император рассматривался не в качестве помазанника Божьего, «внешнего епископа» церкви, а в качестве простого мирянина – светского главы государства. При этом в диссертации весьма подробно говорится об исторической практике Восточно-Православной церкви (в первую очередь, Византии), согласно которой цари имели несомненные церковные полномочия. На основании этих фактов можно утверждать, что царская власть – институт не только государственный, но и церковный. Тем более, что большинством населения Российской империи монарх воспринимался скорее не как «хозяин Земли Русской», а как религиозный лидер страны¹¹².

25 апреля 1907 г. были высочайше утверждены «Положения о составе предстоящего чрезвычайного Собора русской Церкви и о порядке производства дел в оном». Однако вплоть до Февральской революции собор созван так и не был. По поводу его власть воздерживалась говорить что-либо определённое. Не последнюю роль в фактическом отказе Николая II пойти на созыв собора сыграла позиция двух первых, откровенно нелояльных к царскому правительству Государственных дум.

В диссертации приведена численность духовенства, входящего во все предреволюционные Государственные думы, рассмотрен его партийный состав. В частности, отмечается относительный рост численности священнослужителей РПЦ в Государственных думах I–IV созывов. Так, в I-й Думе духовенство РПЦ составляло 1,2 %, во II-й – 2,5 %, в III-й – 9,9 %, а в IV-й – 10,7 %. В работе проанализирована деятельность Дум в области законодательства, касающегося церковных вопросов. Довольно подробно рассмотрено обсуждение законопроекта о свободе совести в III Государственной думе. В нём подразумевалось обеспечение возможности добровольного избрания исповедания и свободы выхода из него; свободу отправления культа; свободу проповеди с целью обращения в свою веру; отсутствие ограничений в связи с принадлежностью к какой-либо религии. Кроме того, дополнительно ставились вопросы о праве граждан не принадлежать ни к какому вероисповеданию, о светской форме государственной присяги, о разрешении гражданских форм регистрации брака, погребения и проч. Принятие этого законопроекта затруднялось тем, что в нём затрагивались интересы не только различных министерств и ведомств, но и Православной церкви. В случае введения свободы совести практически полностью уничтожалось бы первенство в стране РПЦ, чем подчёркивалось бы, что православная империя не нуждается в религиозном освящении. Также Церковь ставилась бы перед необходимостью втягиваться в политический водоворот, отстаивая свои пра-

¹¹² Фирсов С.Л. Русская Церковь ... Указ. соч. С. 40.

ва. С принятием данного законопроекта происходил бы полный слом установившихся государственно-церковных отношений.

К тому же, вопрос о свободе совести был неразрывно связан с двумя другими актуальными вопросами: аграрным и национальным. Первый затрагивал интересы церкви как богатого землевладельца. Второй вопрос также не мог быть решён без учёта интересов РПЦ, поскольку при проведении государственной политики в отношении народов, находящихся на окраинах империи и стремящихся к автономии (например, в Польше, Прибалтике, Закавказье) необходим был учёт религиозного фактора. В диссертации, среди прочего, говорится и о выработке в 1916 г. проекта закона, который должен был обеспечить духовенству финансовую независимость от паствы. Согласно ему, клирики должны были получать от казны определённое жалование, духовные должности становились выборными, при этом священнослужителям запрещалось взимать с прихожан плату за требы. Законопроект, уже одобренный Святейшим синодом, должен был слушаться в Совете министров в феврале 1917 г. Однако начавшаяся революция помешала осуществлению этих планов.

Ни одна из Государственных дум не разрешила назревших церковных проблем, актуальность проведения которых год от года лишь возрастала. Проведение реформ как в церкви, так и в государстве усложнялось и тем, что проблемы были взаимосвязаны, взаимообусловлены и буквально завязаны в единый большой узел, разрешить который было практически невозможно. Положение усугублялось и тем, что установившиеся в России церковно-государственные отношения не могли быть существенно изменены без коренных преобразований во всём государственном организме.

В отдельном параграфе рассматриваются изменения богослужебных чинов РПЦ, осуществлённых церковной властью в начале XX в. В феврале 1901 г. был исправлен «Чин исповедания и обещания Архиерейского» и отменена присяга, приносимая архиереями при вызове их в синод для присутствования¹¹³. Одной из основных причин этих деяний послужило то, что высшее духовенство, будучи недовольным сложившимися на протяжении синодального периода церковно-государственными отношениями и чувствуя себя «угнетённым» императорской обер-прокуратурой, считало для себя «унизительным» выполнять в государстве охранительную функцию, которая так или иначе была отражена в названных присягах.

Ещё одно изменение богослужебных книг РПЦ, касающееся церковно-государственных отношений, было произведено не ранее рубежа 1905–06 гг. и не позднее 1913 г. Сокращению подверглось молитвенное поминовение царя на проскомидии – первой части центрального богослужения – литургии. Это свидетельствует о нежелании высшего духовенства РПЦ поддерживать самодержавный строй, об определённом настрое церковной иерархии, которую не устраивали ни император, ни, по большому счёту, синод: епископату не нужен был ни тот, ни другой, а нужен был патриарх – первопрестольный архиерей («первосвященник»), возвышающийся своим высоким саном над земным, светским, лишённым сакрального смысла царством.

Усилия духовенства в большой степени были направлены как на «десакрализацию» царской власти, так и на создание в определённой степени «богословского

¹¹³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 182. 1901. III отдел. II стол. Д. 2423. Л. 1–45.

обоснования» революции. Процессы эти происходили исподволь: духовенство широко обсуждало новые модели церковно-государственных отношений, в которых не находилось места для императора как для помазанника Божьего. Рассматривая эти модели и понимая, что они могут реализоваться скорее всего лишь при смене в стране формы государственной власти, духовенство вполне допускало саму возможность такой смены.

В целом, накануне 1917 г. в России сложилась такая ситуация, что сама официальная церковь была заинтересована в «отдалении» от государства, в отделении от его чиновничьего аппарата. Однако при этом церковь желала сохранить свои финансово-политические привилегии: первенствующее и господствующее положение по сравнению с другими конфессиями, а также во многом – государственное обеспечение. Такое состояние церковно-государственных отношений было для духовенства гораздо предпочтительнее, чем при царизме, когда церковь фактически находилась под контролем самодержца.

В выводах по содержанию главы отмечено, что в период, предшествовавший 1917 г., в России резко обозначился до конца неразрешённый вопрос многовекового спора духовной и светской властей о том, кто харизматически выше и, следовательно, главнее: «священство» или «царство». Возможность же окончательного разрешения этой проблемы в свою пользу духовенство начало связывать с возможностью исчезновения царской власти как таковой и с заменой её республикой. Стремление высшей иерархии к установлению патриаршества являлось определённым показателем того, что церковь (в лице большинства епископата) стремилась стать своего рода отдельной «духовной ветвью власти», фактически независимой от государственной и практически неподконтрольной ей.

Третья глава «Позиция Святейшего правительствующего синода Российской православной церкви в процессе свержения монархии» содержит анализ реакции высшего органа церковной власти на политические события февраля-марта 1917 г. Акцентируется два факта, а именно: содержание акта великого князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г. свидетельствовало об отсутствии отречения от престола Дома Романовых в целом, а также то, что юридически Россия оставалась империей вплоть до решения Учредительного собрания о форме правления. Рассмотрены действия членов Святейшего синода, предпринятые в первые недели Февральской революции. А именно: их отказ поддержать монархию в условиях разгара революционных волнений в Петрограде; признание ими 2 марта Временного правительства (до отречения императора Николая II от престола); выпуск послания, в котором политические события объявлялись «свершившейся волей Божией» и власть Временного правительства легитимировалась в глазах паствы. Весьма подробно анализируются и изменения богослужебных чинов и молитвословий, в результате которых была проведена буквальная замена поминовения императора и членов Дома Романовых на «благоверное Временное правительство». Святейший синод, в частности, повсеместно заменив поминовение царской власти молитвенным поминовением народовластия, тем самым провозгласил в богослужебных чинах Россию республикой, предвосхитив соответствующее объявление России республикой А.Ф. Керенским.

На основании анализа одного из документов, подписанного 8 марта всеми архиепископами синода, в работе делается заключение о существовании определённой

договорённости между Временным правительством и Святейшим синодом, достигнутой, по-видимому, на заседании синода 4 марта. Суть её состояла в том, что правительство предоставит РПЦ свободу в управлении в обмен на принятие церковью мер по успокоению населения страны и формированию в обществе представления о законности смены власти. Однако несмотря на то, что синод последовательно выполнял условия соглашения, правительство нарушило свои обязательства.

Анализируемая позиция синода объясняется как обусловленная мотивами, вытекающими из проблемы «священства-царства». Действия представителей высшей иерархии являлись осуществлением их желания путём уничтожения царской власти разрешить многовековой теократический вопрос «священства-царства». Уничтожение царской власти снимало и сам вопрос о преобладании в государстве власти царя над властью первосвященника, или первосвященника над царём.

В диссертации рассмотрен вопрос о роли духовенства в нарушении прежней и принятии народом России новой государственной присяги. Новая присяга была установлена Временным правительством 7 марта. В ней, в частности, содержался тезис о «неопределённости» формы власти вплоть до соответствующего решения Учредительного собрания. 9 числа определением Святейшего синода эта присяга была по духовному ведомству объявлена «для исполнения»¹¹⁴. Отмены же действия предыдущей верноподданнической присяги, а также «освобождения» граждан от её действия со стороны синода не последовало. Поэтому прежняя присяга, по сути, осталась действующей. Личным примером нарушения присяги на верность императору духовенство сподвигло и остальных граждан России на клятвопреступление. Утверждать это позволяет тот факт, что присяга «на верноподданство» носила ярко выраженный религиозный характер, и духовенство в церемониях присяги играло едва ли не главную роль. Более того, согласно действующему законодательству, почтение к царю воспринималось скорее как обязанность веры, нежели как гражданский долг. Поэтому мнение Святейшего синода о присяге было решающим: его достаточно легковесное отношение к присяге на верность императору обусловило такое же отношение к ней и со стороны граждан.

В работе также рассматриваются изменения в чинопоследованиях поставлений и рукоположений церковно- и священнослужителей, осуществлённые в марте 1917 г. как в центре (Св. синодом), так и на местах (архиереями Полоцкой и Донской епархий). В эти чины в качестве одной из частей входила верноподданническая присяга, то есть присутствовал политический аспект. Все члены православного причта, готовящиеся к возведению в какие-либо степени церковно- или священнослужения, как члены государства и как ставленники, давали две присяги. В первой из них (гражданской), установленной Временным правительством, говорилось о временной «неопределённости» образа правления в России (о предстоящем выборе формы правления). Во второй, установленной синодом, об этом не упоминалось, но говорилось о смене формы власти как о свершившемся факте. Поэтому присяга, установленная Святейшим синодом РПЦ, в политическом смысле оказалась левее присяги, установленной Временным правительством. Что, по мнению диссертанта, говорит о

¹¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1917. I отдел. V стол. Д. 54. Л. 53, Ф. 797. Оп. 86. 1917. III отдел. V стол. Д. 12. Л. 52–53.

стремлении членов синода придать революционным событиям необратимый характер и не допустить возврат монархического правления.

В этой же главе рассматривается вопрос: существовали ли в феврале-марте 1917 г. варианты «генеральной линии» Русской православной церкви? В качестве альтернативы приводится пример политической позиции епископа Пермского Андроника (Никольского), проповедовавшего – с учётом возможного выбора Учредительным собранием монархической формы власти – о «междуцарствии». Говорится и об имевших место совмещении молитв и о Временном правительстве, и о царской власти, чем подчёркивалось в богослужениях временная нерешённость вопроса о форме правления.

В главе делается общий вывод, что официальная политика РПЦ с первых чисел марта 1917 г. была направлена на приветствие поддержки Временного правительства. Вопрос же о какой-либо теоретической возможности установления в России хотя бы конституционной монархии официальными органами церковной власти в 1917 г. не рассматривался по причине противостояния священства царству.

В четвёртой главе «Высшее и рядовое духовенство Российской православной церкви и свержение монархии» анализируется отношение членов епископата РПЦ и приходского духовенства к свержению монархии. Соответствующая реакция представителей иерархии выражалась, в первую очередь, в их проповеднической деятельности, которая имела своеобразные особенности на протяжении двух хронологических этапов. Первый длился со 2–3 марта (с обнародования высочайших актов) по 6 марта (до появления первой официальной реакции Святейшего синода на революционные события). Во время него большинство архиереев не спешили выявлять свои политические симпатии. На протяжении этого этапа среди архиереев наблюдалось весьма различное, едва не до полярностей, восприятие революционных событий: от высказываний радости о политическом перевороте (епископ Красноярский Никон (Бессонов)) до призывов восстановить в стране монархическое правление (епископ Пермский Андроник (Никольский))¹¹⁵.

В диссертации оспаривается тезис советской историографии, согласно которому лишь через несколько дней, после постановлений синода 7–9 марта началась политическая переориентация российского духовенства¹¹⁶.

Начало второму этапу положили определения Святейшего синода от 6–9 марта¹¹⁷, в которых однозначно была сформулирована общецерковная позиция относительно смены власти. В отличие от первого этапа, в рядах архиереев уже не наблюдался значительный разброс мнений относительно рассматриваемых событий. По крайней мере, практически не звучали высказывания правей заявленной позиции синода, поскольку неподчинение решениям высшего органа церковной власти влекло за собой дисциплинарные взыскания. В целом же для членов епископского корпуса на этом этапе было характерно стремление демонстрировать аполитичность: чтобы не компрометировать себя связью ни с реакцией, ни с революцией.

¹¹⁵ Большой массив проповедей и воззваний иерархов РПЦ см. в книге: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., авт. предисловия и комментариев М.А. Бабкин. М., 2006.

¹¹⁶ Кандидов Б. Церковь и Февральская революция. М., 1934. С. 21.

¹¹⁷ ЦВ. Пг., 1917. № 9-15. С. 57–59.

Радость по поводу наступившего «освобождения» церкви от государственного «гнёта» и возможного в связи с этим «обновления» церковной жизни высказал целый ряд епископов. На основании этого в диссертации оспаривается тезис современной церковной историографии, что среди российского епископата лишь единственный архиерей – епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) всерьёз связывал с Февральской революцией надежды на оздоровление церковной жизни¹¹⁸.

Приветственные телеграммы на имя председателя Государственной думы, председателя Временного правительства и обер-прокурора Святейшего синода были посланы, по меньшей мере, полусотней архиереев РПЦ (то есть приблизительно третьей частью епископского корпуса). В этих телеграммах выражалось доверие новой власти и высказывалась готовность всемерно помогать ей в трудах по водворению в России спокойствия и порядка. Широко звучали приветствия новому политическому строю, благодарности правительству за декларирование церковной «свободы» и пожелания скорейшей победы над Германией.

Отличительной чертой проповеди российских архиереев в послефевральский период 1917 г. являлось большое количество содержащихся в них призывов к подведомственным рядовым священнослужителям о необходимости вести приходскую проповедническую деятельность в русле общецерковной политики, проводимой Святейшим синодом. Приходским пастырям ставилась задача разъяснять прихожанам необходимость безусловного подчинения Временному правительству, призывать паству всемерно помогать армии и объяснять недопустимость каких-либо распрей, раздоров, вражды, насилий и беспорядков, мешающих установлению в стране новой государственности. Пастырская проповедь должна была иметь только религиозно-нравственный характер и быть аполитичной.

В диссертации говорится о том, что на фоне всеобщих приветствий по поводу свержения монархии лишь единичные представители епископата открыто заняли противоположную позицию. Зачастую такие архиереи переизбирались, низлагались со своих кафедр своим же, более революционно настроенным епархиальным духовенством, и выводились Святейшим синодом за штат. В своём же подавляющем большинстве российский епископат высказал единую с синодом позицию.

В целом проповедь епископата весной и летом 1917 г. была направлена на умиротворение народа: звучали призывы к братолюбию, к установлению государственного и общественного порядка, к подчинению Временному правительству как законной власти «не за страх, а за совесть» и доведению мировой войны до победного конца. Временное правительство в многочисленных проповедях и воззваниях иерархов объявлялось как «Богом данное», правящее «с Божией всесильной помощью»; на него призывались многочисленные архиерейские благословения.

Официальное мнение приходских пастырей Российской церкви о революционных событиях февраля-марта 1917 г. было выражено на проходивших по всей стране весной и летом того года епархиальных, викариальных, городских, уездных и благочиннических съездах (собраниях) духовенства.

В работе рассматриваются факторы, которые играли роль в формировании политической позиции приходского духовенства. Среди них – позиция синода, массовый революционный настрой, охвативший с первых чисел марта 1917 г. большинст-

¹¹⁸ Цытин Владислав, протоиерей. Русская Церковь 1917–1925 гг. М., 1996. С. 8.

во населения страны, отношение к событиям местных правящих архиереев. Для сельских пастырей руководством было и мнение о революционных событиях духовенства губернских и других крупных городов. Вследствие различного влияния всех факторов, духовенство на местах занимало неоднородную позицию относительно Февральской революции. Различия представляли собой широкий спектр точек зрения: от выражения поддержки свержения самодержавия до заявлений об аполитичном отношении к произошедшему государственному перевороту. При этом весной и летом 1917 г. на съездах российского духовенства каких-либо «контрреволюционных» постановлений, находящихся в противоречии с проводимой синодом общецерковной политикой, принято не было. Лишь единичные представители приходского духовенства выступали с проповедями монархического содержания.

В материалах практически всех известных собраний священно- и церковнослужителей не упоминалось даже о теоретической возможности существования в государстве помазанника Божьего – православного императора¹¹⁹. Данный факт даёт основание утверждать, что весной 1917 г. приходское духовенство РПЦ в своей массе находилось в общероссийской политической расстановке сил левее партии «Народной свободы» (кадетской), выступавшей за установление в стране конституционной монархии¹²⁰. При этом на примере вятского духовенства не подтверждается тезис советской историографии о том, что в 1917 г. иерархи РПЦ занимали по отношению к рядовому духовенству правую, более консервативную позицию¹²¹.

В резолюциях буквально всех съездов духовенством высказывались пожелания о будущих формах отношений между церковью и государством¹²². Они были созвучны с проектами церковно-государственных отношений, выработанных ранее синодальными комиссиями – Предсоборным присутствием и Предсоборным совещанием. В них церковь мыслилась самостоятельной в управлении и независимой от государственного контроля. Однако по сравнению с материалами названных комиссий, резолюции пастырских собраний имели существенную особенность: в их моделях внутрицерковного управления отсутствовало патриаршество. Патриаршество (в случае своего осуществления) было практически тождественно с установлением в РПЦ единовластия епископата, а приходское духовенство, составлявшее на съездах большинство, желало демократизации епархиальной и приходской жизни. Вплоть до осени 1917 г. идея патриаршества была столь непопулярной в Русской православной церкви, что даже начавший работу 12 июня особый церковный орган – Предсоборный совет, в задачу которого входила непосредственная подготовка Поместного собора, не обмолвился о такой форме центрального церковного управле-

¹¹⁹ Из более чем четырёхсот различных съездов духовенства, документы которых удалось обнаружить в источниках, лишь на одном – собрании духовенства г. Ейска и ближайших к нему станиц Кубанской области, состоявшемся на пасхальной неделе 1917 г., подавляющим числом голосов было высказано пожелание установления в России конституционной монархии, «где бы царь только царствовал, но не управлял» (Ейский листок. Ейск, 1917. № 102. С. 2).

¹²⁰ Лишь 25–28 марта 1917 г. кадеты на своём VII съезде, изменив соответствующий пункт политической программы, объявили себя сторонниками республиканской формы правления (Вестник партии Народной свободы. Пг., 1917. № 1. С. 9).

¹²¹ Кандидов Б. Церковь и Февральская революция. М., 1934. С. 16.

¹²² Большой массив документов различных съездов и собраний духовенства опубликован в книге: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Указ. соч.

ния¹²³. Однако это не означало исчезновение стремлений высшей иерархии к своему единовластию в РПЦ посредством установления института патриаршества¹²⁴.

В диссертации говорится, что значительная часть духовенства, пользуясь гражданскими свободами, весной и летом 1917 г. участвовала в политической жизни страны. Решения о допустимости членства священнослужителей в общественных организациях, а также участие клириков в народных собраниях принималось епархиальными властями и съездами духовенства. Членство же священнослужителей в политических партиях признавалось нежелательным. Вместе с тем многие съезды духовенства выносили решения общего характера, касающиеся их отношения к политическими партиям: с одной стороны, о поддержке тех партий, которые намерены строить жизнь России на христианских началах братства, любви и свободы, а с другой – о недопустимости произнесения с церковного амвона агитации в пользу каких-либо партий.

В исследовании обращается внимание на географию тех городов, в которых духовенство официально определило свою политическую позицию. В результате делается вывод, что резолюции большинства съездов и собраний духовенства, проходивших в столице и на периферии, в великороссийских губерниях и национальных окраинах страны, в промышленных центрах и сельскохозяйственных районах лишь незначительно отличались друг от друга. Объяснить данный факт можно с учётом всеобщего, всеобщего характера Февральской революции.

Председатель Государственной думы и члены Временного правительства получили свыше двух сотен (по меньшей мере) приветственных посланий от различных съездов духовенства губернских, уездных и благочиннических собраний духовенства. В них выражалось доверие к новой власти и говорилось о больших надеждах пастырей, связанных с проведением преобразований как в церковной жизни, так и в общественно-политической жизни страны.

Приходское духовенство не осталось в стороне и от почтения памяти павших революционеров. По известным сведениям, на двух с половиной десятках епархиальных и городских съездах духовенства, а также на Всероссийском съезде духовенства и мирян возглашалась «вечная память» борцам «за благо и свободу народную положивших жизнь свою». На том же всероссийском и на двух других съездах – Нижегородском епархиальном и Челябинского викариатства священнослужители пением «вечной памяти» почтили «всех, павших за свободу Церкви». Данным фактом само духовенство, во-первых, фактически признало наличие реальной борьбы представителей своего сословия с самодержавием, начавшейся до Февральской революции, борьбы «священства с царством». Во-вторых, подтвердило наличие у себя мотива, обусловившего поддержку свержения царской власти: необходимость-де «освобождения» Церкви от государственного «гнёта» и «засилья». Данная позиция по отношению к «бывшим» революционерам из духовного сословия является свидетельством массового отказа православных клириков от монархической идеологии.

Весной 1917 г. в стране начал быстро падать авторитет церковных пастырей как среди сторонников левых, так и правых взглядов. С одной стороны, данный факт

¹²³ Всероссийский церковно-общественный вестник. Пг., 1917. № 47. С. 3; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь ... Указ. соч. С. 507–514.

¹²⁴ *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 91–92.

можно объяснить распространением среди части российских граждан антирелигиозных настроений. Но с другой, неуважительное отношение к духовенству со стороны православной паствы, например, консервативного крестьянства, было вызвано быстрой политической переориентацией священнослужителей, а именно – их фактическим отказом от государственно-монархической идеологии и публичным приветствием революционных событий.

В главе делается вывод о том, что Святейший синод, большинство архиереев, два всероссийских съезда – православного духовенства и мирян, а также военного и морского духовенства, большинство епархиальных, широкий ряд городских и благочиннических съездов открыто и официально дали положительную оценку происшедшим в России революционным событиям. Анализ источников позволяет заключить, что к 1917 г. духовенство РПЦ в целом относилось к императорской власти не как к сакральной власти помазанника Божьего, а как к переходной форме политической системы, соответствующей определённому историческому этапу развития России. Оно само активно претендовало на роль «помазанников Божиих».

В отдельном параграфе диссертации рассматривается вопрос об участии духовенства РПЦ в так называемых «праздниках революции», проходивших в марте 1917 г. по всей стране. Иногда они назывались «днями свободы», «праздниками единения» и т. д. Во многих городах службы в честь этих празднеств возглавлялись местными архиереями, причём в некоторых – представители епископата задавали определённый тон. «Дни свободы» были организованы по подобию праздников императорской России, но с новыми гимнами и символикой. «Праздники свободы» имели как революционные, так и религиозные черты. Большое сходство с ними имели и проходившие в некоторых городах в марте 1917 г. «дни похорон жертв революции», когда хоронили участников местных восстаний или же перезахоранивали участников революции 1905 г. Иногда эти дни совмещались.

В революционных торжествах светские власти нередко отводили духовенству заметную роль, которая заключалась в проведении крестных ходов, торжественном служении молебнов и проч. Это свидетельствовало о признании и Временным правительством, и местными властями значительного влияния священнослужителей на массовое сознание населения, об их опоре на авторитет церковных пастырей, а также о стремлении духовенства занять активное и достойное для себя место в новой социально-политической обстановке. В целом во время праздников революции духовенство призывало народ к поддержке и содействию новой власти, к христианской любви и созидательному труду, а также разъясняло необходимость доведения Первой мировой войны до победного конца. Своим участием в мероприятиях новой власти духовенство способствовало если не легитимации, то утверждению среди паствы революционной атрибутики: красных флагов, лент и бантов, а также пришедшей на смену прежнего гимна «Марсельезы», ставшей при Временном правительстве гимном новой России, хотя официально и неутверждённым.

Об отношении духовенства Русской православной церкви к событиям Февральской революции свидетельствует и его участие в праздновании дня солидарности трудящихся 1 Мая (18 апреля ст. ст.). Молебны по случаю праздника мирового пролетариата, сопровождавшие в ряде мест церемонии присяги новой власти, имели место в некоторых городах и населённых пунктах различных губерний. Священники принимали участие в первомайских митингах и в качестве частных лиц.

Анализ материалов позволил автору сделать вывод о том, что весной 1917 г. наблюдалось определённое слияние традиций проведения светских и церковных праздников. Гражданские торжества «освящались» участием в них духовенства, приобретая от этого оттенок православных торжеств. Соответственно, верующие начинали воспринимать эти праздники как «свои». Религиозные же торжества политизировались, принимали на себе печать митинговой демократии, сакрализировали революционный процесс и являлись одним из способов легитимации новой власти.

В работе исследуется участие духовенства РПЦ и в смене «старорежимной» символики. В качестве примеров приводятся упразднение императорских инициалов на наперсных священнических крестах и слова «Императорская» в названиях духовных академий, молчаливое согласие Святейшего синода с серией постановлений Временного правительства о введении новых государственных символов России – герба и государственной печати, и проч. С одной стороны, эти нововведения были в духе времени, соответствовали политической конъюнктуре и воспринималось подавляющим большинством современников как нечто должное. С другой стороны – вместе с отменой монархических символов и названий происходило уничтожение каких-либо напоминаний о царе. Тем самым в сознании православной паствы фактически снимался вопрос о возможности «реставрации» в стране монархической власти. И задача Учредительного собрания, по сути, сужалась: ему предстояло решать не вопрос о форме власти (быть России монархией или республикой), а лишь о том, какому именно народоправию быть.

В диссертации рассматривается и механизм преследования церковными властями представителей духовенства, высказывавших так или иначе несогласие с официальной политикой Русской православной церкви в послефевральский период 1917 г. На всероссийском уровне преследование осуществлялось или со стороны Святейшего синода, или со стороны его обер-прокурора. На местах – и епископами, и духовными консисториями, и благочинными, и органами государственной власти. Весной 1917 г. за деятельность, «не совместимую с новыми началами жизни», или же за черносотенную репутацию в прошлом накладывались различные меры взысканий на представителей не только рядового, но и самого высшего духовенства. В результате этих воздействий по сути любое монархическое движение лишалось идеологической поддержки каких-либо пастырей церкви.

В отдельном параграфе автор прослеживает и спад политической активности духовенства, который был связан как с наступлением в июле 1917 г. общего разочарования граждан России в политике Временного правительства, так и с антицерковными по сути постановлениями власти: о передаче в ведение Министерства народного просвещения всех церковных начальных, а также церковно-училищных школ (от 20 июня) и «О свободе совести» (от 14 июля)¹²⁵. Первое из них вело не только к подрыву духовного просвещения большинства жителей страны, православных от рождения, но и существенно затрагивало материальные интересы клириков: имущество более чем 40 тыс. церковных школ оценивалось в 170 миллионов рублей. Причём в том постановлении Временного правительства ничего не говорилось о соответствующих школах других конфессий. Согласно второму постановлению, пользование гражданскими и политическими правами не зависело от принадлежности к

¹²⁵ ЦВ. Пг., 1917. № 28. С. 191–192, № 31. С. 247–248.

какому-либо вероисповеданию. Нежелательное для РПЦ положение этого закона заключалось в том, что им провозглашалась свобода религиозного самоопределения граждан по достижению ими 14-летнего возраста. Соответственно, преподавание в учебных заведениях закона Божия переставало быть обязательным и сводилось к уровню факультативного предмета. В целом же, несмотря на политику властей, церковь держала в своём практическом ведении школы вплоть до Октября 1917 г.

В диссертации рассмотрен процесс отхода общества от церкви, получивший широкое распространение весной и летом 1917 г. Прихожане возмущались установленными платами за совершение священниками треб, бесконтрольностью распределения церковных денег, а также нередко – «безнравственной» жизнью своих пастырей. На приходах происходили массовые изгнания клириков. В среде духовенства начало расти недовольство сложившейся в стране политической и социальной обстановкой. В результате, священнослужители стали придерживаться более правых взглядов и даже переходить в оппозицию революции.

Проанализированные материалы подводят к выводу о том, что в целом духовенство РПЦ сыграло достаточно активную роль в свержении монархии и укреплении власти Временного правительства, способствуя формированию в сознании паствы представления о смене власти как закономерном явлении.

В пятой главе «Поместный собор РПЦ и свержение монархии (1917 год)» рассматриваются мероприятия церковной власти по поводу созыва Поместного собора и деятельность последнего на протяжении первой его сессии, в том числе избрание патриарха Русской православной церкви.

Открывшийся в Москве 15 августа 1917 г. Поместный собор¹²⁶ (высший орган управления Русской православной церкви, обладающий полнотой церковной власти) привлёк к себе внимание православной общественности. Он воспринимался как Церковное Учредительное собрание. За четыре дня до открытия Собора было опубликовано постановление Временного правительства о его правах. Соборный законопроект «о новом порядке свободного самоуправления Русской Церкви» надлежало представить «на уважение» государственной власти¹²⁷. То есть теоретически, Временное правительство могло отказать в санкции соборному постановлению о форме внутрицерковного управления. В этом смысле Поместный собор был юридически несвободен, как и сама церковь.

В диссертации проводится анализ ряда постановлений Поместного собора, прямо или косвенно относящихся к политическим вопросам. В работе показано, что он проводил политику «аполитичности» и «отдаления» церкви от государства. Однако ему были присущи в определённом смысле и антимонархические настроения. Они выразились в том, что участники Собора не рассматривали сложившуюся в послефевральский период политическую ситуацию в России как находящуюся в состоянии «междущарствия». Так, в обнародованном ими 21 октября 1917 г. послании «Всем чадам Православной Российской Церкви в виду приближающихся выборов в Учредительное Собрание»¹²⁸ о монархической форме государственной власти даже

¹²⁶ Собор работал более года. За этот период состоялись три его сессии: первая – с 15 (28) августа по 9 (22) декабря 1917 г., вторая и третья – в 1918 г.: с 20 января (2 февраля) по 7 (20) апреля и с 19 июня (2 июля) по 7 (20) сентября.

¹²⁷ Деяния Священного Собора ... Указ. соч. 1994. Т. 1. С. 53.

¹²⁸ ЦВ. Пг., 1917. № 42. С. 375–377.

не упоминалось. Данный документ фактически подтвердил синодальное послание от 9 марта 1917 г.: революционные события февраля-марта 1917 г. в том и другом рассматривались как необратимые и безальтернативные.

На фоне происходящих в стране колебаний власти (двоевластия, кризисов Временного правительства, Корниловского мятежа), большинство духовенства стало склоняться к идее необходимости установления централизованной «сильной власти» если не в государстве, то в церкви. 11 октября 1917 г. на Поместном соборе началось обсуждение вопроса о форме высшего церковного управления. Мнения участников собора разделились: одни выступали за восстановление патриаршества, другие были противниками такой идеи¹²⁹. Причём на протяжении практически двух недель судьба этого вопроса была не ясна. Однако положение изменилось после известий из Петербурга: 25 октября Временное правительство было свергнуто, а на следующий день было сформировано новое – Совет народных комиссаров.

После схода с политической сцены прежней власти, отпала и необходимость представлять ей «на уважение» соборное постановление о форме внутрицерковного управления. Интересы же новых правителей государства в те дни были далеки от церковной тематики: перед ними стоял первоочередной вопрос об удержании власти. Соответственно, для РПЦ возник момент определённого «вакуума» контроля светских властей. И им члены Поместного собора – сторонники восстановления патриаршества – решили воспользоваться. На фоне начавшейся на улицах Москвы 28 октября стрельбы, возникшей в результате антисоветского восстания юнкеров, захвативших Кремль, среди политических колебаний различных светских властей, мнения участников собора начали склоняться в пользу патриаршества¹³⁰. 28 октября дискуссии были окончены и на голосование было поставлен вопрос о восстановлении патриаршества. Оно было принято абсолютным большинством голосов. 30 и 31 октября были определены кандидаты в патриархи: архиепископы Антоний (Храповицкий), Арсений (Стадницкий) и митрополит Тихон (Белавин). 5 ноября 1917 г. патриархом Московским и всея России был избран Тихон, а 21 числа состоялась его интронизация¹³¹. В Православной церкви появилась по сути неограниченная власть «церковного монарха», подотчётного лишь Поместному собору¹³². Была поставлена определённая точка в «противостоянии» священства царству: в марте 1917 г. царь был свергнут, а уже в ноябре избран патриарх (после двухвекового синодального периода).

Своё видение государственно-церковных отношений Собор сформулировал в своём определении «О правовом положении Православной Российской Церкви»¹³³, принятом 2 декабря 1917 г. Согласно ему, Православной церкви предполагалось дать публично-правовой статус «первенствующей» в стране конфессии, обеспечить право на самоопределение и самоуправление, предоставить возможность законотворческой государственной деятельности (в тех случаях, когда постановления пра-

¹²⁹ Деяния Священного Собора ... Указ. соч. 1994. Т. 2. Деяние 24. С. 225–241.

¹³⁰ *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 74, 94–97.

¹³¹ Патриарх Тихон скончался в Москве 7 апреля 1925 г. В 1989 г. Архиерейским собором Русской православной церкви он был причислен к лику святых.

¹³² Деяния Священного Собора ... Указ. соч. 1994. Т. 3. Деяние 36. С. 105–111; Там же. 1996. Т. 4. Деяние 47. С. 36–75.

¹³³ ЦВ. Пг., 1918. № 9-10. С. 60–62.

вительства затрагивали церковные интересы). Имущество РПЦ признавалось не подлежащим конфискации и обложению налогами, со стороны государства ожидалось получение ежегодных ассигнований в пределах церковных потребностей. Священнослужителей и штатных церковнослужителей предполагалось освободить от различных повинностей (в первую очередь от воинской), православный календарь возвести в ранг государственного, признать церковные праздники неприсутственными (выходными) днями, оставить за церковью право ведения метрических книг, обязательный характер преподавания закона Божия для православных учащихся во всех образовательных учреждениях и проч. В целом, концепция церковно-государственных отношений, выработанная Поместным собором, не учитывала наличие в государстве ни атеистической власти, ни царя – помазанника Божия.

8 декабря, на соборе были приняты определение «О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления». Согласно ему, решению Священного синода подлежали дела, преимущественно относящиеся к внутренней жизни РПЦ: вероучению, богослужению, церковному просвещению, церковному управлению и церковной дисциплине. И в частности: «высший надзор и попечение о нерушимом сохранении догматов веры и правильном их истолковании в смысле учения Православной Церкви; ... охранение текста Богослужебных книг, наблюдение за его исправлением и переводом». До революции же «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры, блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния», как помазанник Божий, был император¹³⁴. К ведению Высшего церковного совета, согласно соборному определению, стали относиться внешние дела: церковной администрации, церковного хозяйства, школьно-просветительские, ревизии и контроля, а также юрисконсульские (ранее во многом исполнявшиеся обер-прокуратурой)¹³⁵. Таким образом, церковные полномочия царя в полной мере перешли к духовенству.

В работе, с учётом отсутствия фактического отречения от престола Дома Романовых, делается вывод, что это был не «естественный» переход прав царя к духовенству, а изъятие этих прав, осуществлённое под прикрытием новых светских властей. Иными словами, на Поместном соборе духовенством было закреплено юридически «изъятие» в пользу высших органов церковной власти прерогатив императора в области церковно-правительственного управления, охраны вероучения и контроля за церковным благочинием.

В диссертации также исследуется вопрос о нововведённой титулатуре патриарха. В результате заключается, что присвоение патриарху Тихону титула «великого господина» свидетельствует о том, что духовенство пыталось «поднять» и нарочито подчеркнуть его, а тем самым и свой не только внутрицерковный, но и государственный статус. На фоне упразднения молитв о царе, а также сделанном в марте 1918 г. нововведении в титуловании всех архиереев, данные изменения приобретали некий смысловой оттенок торжества победы «священства над царством».

В Заключении диссертации делаются следующие выводы:

В период с начала XX в. до начала Первой мировой войны в России происходил неуклонный рост как паствы Русской православной церкви, так и численности всех

¹³⁴ Собрание определений ... Указ. соч. Вып. 1. С. 12–13; СЗРИ. СПб., 1912. С. 18.

¹³⁵ Собрание определений ... Указ. соч. Вып. 1. С. 13–15; ЦВ. Пг., 1918. № 9–10. С. 57–60.

слоёв духовенства. На подъёме был процесс строительства храмов и монастырей. Церковь оказывала заметное влияние на общественно-политическое сознание православного населения империи.

В результате исследования показано, что с 1901 г. вплоть до начала Февральской революции представителями высшей иерархии проводилась деятельность, направленная на ограничение участия императора в церковном управлении и на «отдаление» церкви от государства. Подтверждением этому служат, в частности, произведённые в феврале 1901 г. сокращение «верноподданнической» части присяги для рукополагаемого во епископа, отмена присяги для членов Святейшего синода и сокращение поминовения императора в ходе церковных служб, начиная с 1913 г. О желании иерархии ограничить участие императора в церковном управлении свидетельствуют и «отзывы» епархиальных архиереев о церковной реформе, в которых отражалось недовольство сложившимися в России отношениями церкви и государства. О восстановлении в Православной церкви патриаршества говорилось в материалах Предсоборного присутствия (1906 г.) и Предсоборного совещания (1912–1913 гг.), предлагавших усилить в управлении церкви полномочия епископата.

После нескольких безуспешных попыток добиться высочайшего разрешения на созыв Поместного собора представители архиерейского корпуса стали связывать надежды на «освобождение», «раскрепощение» церкви от государственного контроля с возможностью смены формы государственной власти в России.

Деятельность представителей епископата в предреволюционные годы была направлена на «десакрализацию» власти российского самодержца. Она сводилась к укоренению в сознании паствы представлений о царе не как о духовном лидере народа и помазаннике Божием, а как о мирянине, находящемся во главе государства. Духовенство стремилось обосновать, что между царской и какой-либо иной формой власти нет никаких принципиальных отличий: поскольку «нет власти не от Бога».

На основании источников в диссертации сделан вывод о том, что мотивом соответствующих действий священнослужителей было стремление разрешить проблему «священства-царства» (историко-богословский спор о превосходстве светской власти над духовной, или наоборот, духовной над светской) в пользу церкви. Наиболее яркое выражение противостояния «священства» «царству» приняло в первые дни и недели Февральской революции.

Исследование темы выявило, что при начале революционных волнений в Петрограде Святейший синод смотрел на них безучастно, не предприняв никаких шагов по защите монархии. В первых числах этого месяца они вели сепаратные переговоры с новой властью о поддержке духовенством Временного правительства в обмен на предоставление РПЦ свободы в самоуправлении. То есть до опубликования официальной позиции Святейшего синода в отношении революции и церковная, и светская власть двигались друг другу навстречу при осознанном решении ликвидации монархии в России.

Позиция высшего духовенства свидетельствовала о том, что иерархи решили воспользоваться политической ситуацией для осуществления своего желания получить освобождение от императорского влияния на церковные дела и фактически избавиться от царя как своего «конкурента».

Несмотря на отсутствие в целом юридического отречения от престола дома Романовых, Святейший синод РПЦ 7–8 и 18 марта распорядился изъять из богослу-

жебных чинов поминавание царской власти. Царская власть в церкви (и, соответственно, в обществе, в государстве) оказалась ликвидирована «духовно», то есть фактически оказалась преданной церковно-молитвенному забвению, стала поминаться в прошедшем времени, хотя до решения Учредительного собрания о форме власти говорить об упразднении царского правления можно было лишь теоретически.

К концу марта 1917 г. все места богослужбных, ставленнических и других чинов Русской православной церкви, где ранее поминалась царская власть, были исправлены синодом. Изменения заключались в буквальной замене поминавания императора на поминавание «благоверного Временного правительства». Однозначная замена царской власти на народовластие не соответствовала политическому положению страны, так как образ правления в России должно было установить только Учредительное собрание. Содержание изменённых книг более соответствовало республиканскому устройству России как якобы свершившемуся факту.

Анализ обширного круга источников позволяет заключить, что действия Святейшего синода в первые недели Февральской революции свидетельствовали об отсутствии у его членов стремления рассматривать политическое положение России как находящееся в состоянии «неопределённости» образа правления до соответствующего решения Учредительного собрания. Действия Св. синода носили безапелляционный характер и указывали, что им сделан выбор в пользу новой власти, а не монархии. В результате такой позиции высшего органа церковной власти – с учётом влияния подведомственного ему духовенства на многомиллионную православную паству – была по сути ликвидирована вероятность монархической альтернативы новой форме власти, и революция получила необратимый характер. Вследствие чего можно утверждать, что члены Святейшего синода в марте 1917 г. осуществили определённое вмешательство в политический строй Российского государства.

Исследование показало, что священнослужителям принадлежит временной приоритет в узаконивании российской демократии. Если Россия была провозглашена А.Ф. Керенским республикой через шесть месяцев после революционных событий февраля–марта 1917 г., то синодом «молитвенно-духовно» (и «богословски», и «богослужбно») это было провозглашено уже буквально через шесть дней.

Святейший синод фактически упразднил государственно-религиозные праздники Российской империи – «царские дни» до соответствующего правительственного постановления.

Смена государственной власти, происшедшая в России 3 марта, носила временный характер и была обратима (в том смысле, что самодержавие как авторитарную власть возможно было реформировать в конституционную монархию). За такой вариант вплоть до конца марта 1917 г. выступала, в частности, конституционно-демократическая партия «Народной свободы». В диссертационной работе показано, что члены Святейшего синода в своих «республиканских устремлениях» в марте 1917 г. фактически оказались левее кадетов.

Анализ источников позволил выявить, что духовенству РПЦ принадлежит приоритет и в изменении государственной, исторически сформировавшейся монархической идеологии Российской империи: Св. синод уже 7–9 марта официально отрешился от второй составляющей лозунга «за Веру, Царя и Отечество». Временное же правительство декларировало о недопущении возврата монархии лишь 11 марта.

В результате исследования установлено, что процесс перехода Русской православной церкви на сторону Временного правительства, на сторону революции завершился 9 марта 1917 г.: в день выпуска Святейшим синодом послания «К верным чадам Православной Российской Церкви по поводу переживаемых ныне событий» и объявления по духовному ведомству «для исполнения» утверждённую 7 марта Временным правительством «Присягу или клятвенное обещание на верность службы Российскому Государству для лиц христианских вероисповеданий».

Члены Святейшего синода, приведя православную паству к присяге на верность Временному правительству и не освободив народ от действующей присяги на верность императору, сподвигли, по сути, российских граждан на клятвопреступление. Показателем радикальной настроенности членов «царского» состава Святейшего синода служит и тот факт, что формы церковных (ставленнических) присяг, установленные им 24 марта 1917 г., по своему содержанию оказались левее государственной присяги, введённой Временным правительством 7 марта.

Действия высшей церковной иерархии в период февраля-марта 1917 г., оказали заметное влияние на общественно-политическую жизнь страны. Они послужили одной из причин «безмолвного» исчезновения с российской политической сцены правых партий, православно-монархическая идеология которых с первых чисел марта 1917 г. фактически лишилась поддержки со стороны официальной церкви.

Исследование показало, что епископату и приходскому духовенству РПЦ принадлежит одна из важных ролей в установлении на местах новой власти. Тому способствовали обращённые к пастве проповеди и призывы о необходимости мира, смирения и спокойствия, а также обнародованные в печати резолюции по политическим вопросам различных собраний православного духовенства и мирян.

Формы воздействия священников на общественно-политическое сознание паствы весной 1917 г., с одной стороны, были традиционные: проповеди, печатные воззвания, служения молебнов, крестных ходов и проч. С другой – они носили печать и митинговой демократии. Это выразилось в широком участии духовенства в революционных торжествах: «праздниках свободы», «днях похорон освободительного движения», 1 Мая и проч. Эти «праздники», проходившие под красными знамёнами, музыку и песни революции, благодаря участию в них пастырей и архипастырей РПЦ (нередко выступавших и на митингах), «освящались» авторитетом церкви и приобретали от этого оттенок православных торжеств. Соответственно, верующие начинали воспринимать эти праздники как «свои». Тем самым в общественном сознании легитимировались новая власть, новые мелодии и символы.

Массовая поддержка со стороны клириков РПЦ свержения самодержавия во многом была обусловлена соответствующей позицией Святейшего синода. Действия духовенства, направленные на придание Февральской революции легитимности, шли «сверху»: от синода к епархиальным архиереям и к приходским пастырям. Вместе с тем Святейший синод выполнял и «карательную» функцию по отношению к контрреволюционному духовенству, проповедовавшего, в частности, о сложившемся в стране «междоусобице».

Политика, проводимая весной и летом 1917 г. центральной и местными духовными властями, а также Временным правительством, свидетельствовала об их союзе по многим вопросам: об отношении к изменению в стране формы правления, о предоставлении народу гражданских свобод, доведении войны до победного конца и

проч. Призывы к продолжению войны не соответствовали народным чаяниям. В то же время церковь не поднимала коренного вопроса для крестьянской России о земле. Разногласия между церковью и государственной властью возникли лишь в конце июня – после решения Временного правительства передать церковные школы в ведение Министерства народного просвещения.

В результате исследования установлено, что социально-политическая активность священно- и церковнослужителей начала спадать приблизительно с июля 1917 г. Иллюзии духовенства стали рассеиваться с наступлением общего разочарования граждан России в политике Временного правительства. Во внутрицерковной жизни весной и летом ясно обозначился кризис власти. Иерархи стремительно теряли контроль над приходскими священниками. В свою очередь, сами священники всё больше и больше ощущали на себе возрастающую требовательность и непокорность как прихожан, так и подчинённых себе псаломщиков и пономарей. Весной и летом 1917 г., на фоне процесса отхода общества от церкви, среди части паствы возникли воинствующие антиклерикальные настроения. Все эти факторы в совокупности обусловили значительное снижение церковных доходов, затронув тем самым материальные интересы российского духовенства. В результате в духовной среде начало расти недовольство сложившейся в стране политической и социальной обстановкой. Священнослужители стали придерживаться более правых взглядов и даже переходить в оппозицию революции. Тревожные ноты о грядущих судьбах России, её народа и Православной церкви зазвучали в июле–августе и в проповедях епархиальных архиереев. К концу октября большинство духовенства стало склоняться к идее необходимости установления централизованной «сильной власти» если не в государстве, то в церкви.

В середине августа 1917 г. был созван Поместный собор РПЦ, проработавший более года. Всего состоялись три его сессии: первая – с 15 (28) августа по 9 (22) декабря 1917 г., вторая и третья – в 1918 г.: с 20 января (2 февраля) по 7 (20) апреля и с 19 июня (2 июля) по 7 (20) сентября. На нём 5 ноября был избран патриархом Тихон (Белавин), возведённый в этот сан 21 числа того же месяца. В результате восстановления патриаршества и реформирования внутрицерковного управления, церковные полномочия царя (в области церковно-правительственного управления (юрисдикции), охраны вероучения и контроля за церковным благочинием) в полной мере перешли к духовенству. С учётом того, что Дом Романовых в целом не отрекался от престола, можно утверждать, что это был не «естественный» переход прав царя к духовенству, а имело место изъятие, осуществлённое под прикрытием революционных светских властей.

Исследование показало, что члены Святейшего синода, взяв с первых чисел марта 1917 г. курс на установление в России республиканского правления, в определённом смысле проявили политическую близорукость. Пойдя навстречу Временному правительству и поддержав свержение монархии, они не смогли верно предвидеть дальнейшего развития политических событий.

Царская власть являлась в многонациональной и многоконфессиональной России, с её разным уровнем социально-экономического развития огромных территорий, системообразующим стержнем. И последствия исчезновения этого стержня теоретически можно было предвидеть: как предвидел это лидер кадетской партии П.Н. Милюков, выступавший за установление в стране конституционной монархии.

Однако на протяжении всего 1917 г., невзирая на сменяющие один за другим кризисы власти и нарастание в стране центробежных явлений, никакой корректировки политического курса Русской православной церкви «вправо» проведено не было. Официальное духовенство не рассматривало существовавшую в тот период в России, вплоть до созыва Учредительного собрания, конституционно-монархическую альтернативу народовластию.

Вопреки надеждам в целом всего духовенства РПЦ на демократический путь развития России¹³⁶, заявленный в декларации Временного правительства 5 марта¹³⁷, вектор исторического развития России изменился. Новая советская власть, установившаяся в октябре 1917 г.¹³⁸, начала проводить известную «вероисповедную» политику, направленную на полное отделение церкви от государства. В декрете советской власти «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», известном также под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятом 20 января (2 февраля) 1918 г., говорилось, в частности, о лишении и РПЦ, и всех вообще религиозных обществ прав юридического лица. Православная церковь своим статусом приравнивалась к частным обществам и союзам, ей отказывалось в каких-либо субсидиях от государства, её собственность объявлялась народным достоянием¹³⁹. И с января 1918 г. берёт начало новый этап взаимоотношений церкви и государства. Однако его наступление в определённой мере было обусловлено официальной политической позицией самого духовенства РПЦ в предшествующий – послефевральский период 1917 г.

¹³⁶ См. подробнее: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Указ. соч.

¹³⁷ Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 1 (46). С. 1.

¹³⁸ В период захвата власти большевиками духовенство РПЦ никак не стало защищать Временное правительство, хотя в марте 1917 г. оно объявило его «благоверным», властью «от Бога» и привело народ к присяге ему.

¹³⁹ Известия. Пг., 1918. № 16 (280). С. 2; ЦВ. Пг., 1918. Прибавления к № 2. С. 98–99.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

*Статьи, опубликованные в периодических изданиях, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Бабкин М.А. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 г. // Вопросы истории. М., 2003. № 6. С. 59–71. (1,3 п. л.)
2. Бабкин М.А. Святейший синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. М., 2005. № 2. С. 97–109. (1,3 п. л.)
3. Бабкин М.А. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // Отечественная история. М., 2005. № 3. С. 109–124. (1,6 п. л.)
4. Бабкин М.А. Реакция Русской православной церкви на свержение монархии в России. (Участие духовенства в революционных торжествах) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. М., 2006. № 1. С. 70–90. (1,3 п. л.)
5. Бабкин М.А. Современная российская историография взаимоотношений Русской православной церкви и государства в начале XX века (досоветский период) // Отечественная история. М., 2006. № 6. С. 171–180. (1,1 п. л.)
6. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и «старорежимные» символика и ономастика (весна 1917 г.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. Вып. 7. Челябинск, 2006. № 17 (72). С. 7–10. (0,5 п. л.)
7. Бабкин М.А. «Священство» против «царства»? // Родина. М., 2007. № 3. С. 27–33. (1,0 п. л.)

*Публикации документов на страницах журналов, включенных
в «Перечень периодических научных изданий», рекомендованных ВАК*

8. «Божьим испытанием пока остаёмся мы в междуцарствии». Из переписки епископа Пермского и Кунгурского Андроника и обер-прокурора Св. Синода В.Н. Львова. Март–апрель 1917 г. / Публикация, вводная статья и комментарии М.А. Бабкина // Исторический архив. М., 2003. № 1. С. 202–206. (0,2 п. л.)
9. Русская православная церковь и Февральская революция 1917 года / Публикация, вводная статья и комментарии М.А. Бабкина // Вопросы истории. М., 2004. № 2. С. 3–28, № 3. С. 3–31, № 4. С. 3–32, № 5. С. 3–23. (7,2 п. л.)
10. «Духовенство восторженно приветствует в лице вашем свободную Россию». Екатеринбургское православное духовенство и Февральская революция. Весна 1917 г. / Публикация, вводная статья и комментарии М.А. Бабкина // Исторический архив. М., 2005. № 4. С. 115–121. (0,4 п. л.)
11. «Мы, военные священники, всем сердцем приветствуем обновление Родины нашей на началах политической, гражданской и религиозной свободы...». Материалы из истории православного военного и морского духовенства (март–июль 1917 г.) / Публикация, вводная статья и комментарии М.А. Бабкина // Военно-исторический журнал. М., 2006. № 2. С. 37–41. (0,8 п. л.)

12. Письма монархистов Поместному собору Православной российской церкви (август–октябрь 1917 г.) / Публикация, вводная статья и комментарии М.А. Бабкина // Исторический архив. М., 2007. № 4. С. 130–145. (0,6 п. л.)
13. Монархисты Киева о политической позиции Святейшего синода Русской православной церкви. 1905–1907 гг. / Публикация, вводная статья и комментарии М.А. Бабкина // Вопросы истории. М., 2007. № 8. С. 53–64. (1,50 п. л.)

Монография

14. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., Изд. Государственной публичной исторической библиотеки России. 2007. 532 с. (27,2 п. л.)

Рецензии на монографию:

- а) Меренгер А. [Рец. на кн.] // Свободная мысль. М., 2007. № 8. С. 213–216.
- б) Бычков С.С. Непредвзятый взгляд. [Рец. на кн.] // Посев. М., 2007. № 9 (1560). С. 43–44.

Сборник документов

15. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., авт. предисловия и комментариев М.А. Бабкин. М., Изд. Индрик. 2006. 504 с.; ил. (33,5 п. л.)

Рецензии на сборник документов:

- а) Филиппов Б. Благословение на революцию // Эксперт. М., 2006. № 28 (522). 24–30 июля. С. 70.
- б) Ионов Александр, дьякон. [Рец. на кн.]¹⁴⁰ // Отечественные архивы. М., 2006. № 5. С. 114–117.
- в) Новодевичий И.А. Горький урок истории // Свободная мысль. М., 2006. № 6. С. 215–219.
- г) Митяева О.И. Сборник материалов и архивных документов по истории Русской православной церкви и свержении монархии в 1917 г. // Вестник архивиста. М., 2006. № 4-5. С. 450–453.
- д) Леонтьева Т.Г. [Рец. на кн.] // Вопросы истории. М., 2007. № 2. С. 172–173.
- е) Еришова Э.Б. Открывая новые документы... // Клио. СПб., 2007. № 1 (36). С. 157–158.
- ж) Колесова М.Е. [Рец. на кн.]¹⁴¹ // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История РПЦ. М., 2007. Вып. 1 (22). С. 149–151.
- з) Постернак Андрей, священник. [Рец. на кн.] // Отечественная история. М., 2007. № 3. С. 193–194.
- и) Гайда Ф.А. [Рец. на кн.] // Отечественная история. М., 2007. № 3. С. 195–196.

¹⁴⁰ Автор данной рецензии отмечает, что при составлении сборника «использован и авторский принцип систематизации» (С. 116). При этом рецензент поясняет в чём заключается новый принцип систематизации: публикуемые материалы расположены «в зависимости от положения автора документа – должностного лица или учреждения – в церковной иерархии» (Там же).

¹⁴¹ Рецензент – профессиональный археограф, доцент ПСТГУ – также отмечает на использование в книге авторского принципа систематизации документов (С. 149).

Статьи

16. Бабкин М.А. Позиция челябинского православного духовенства в контексте общецерковной политики. Март 1917 г. // Уральские Бирюковские чтения. Сборник научных статей. Челябинск, 2003. Вып. 1. Ч. 2. С. 210–219. (0,6 п. л.)
17. Бабкин М.А. Православная церковь и свержение царской власти в России в 1917 году // Клио. СПб., 2003. № 2 (21). С. 147–154. (1,0 п. л.)
18. Бабкин М.А. Политические институты: государство и церковь в 1905–1917 гг. (современная отечественная историография) // Политические партии и общественные движения: история и современность. Материалы научной конференции памяти профессора А.П. Зиновьева. М., ГУУ. 2006. С. 68–82. (1,0 п. л.)
19. Бабкин М.А. Изменения богослужебных чинов Русской православной церкви в начале XX века (политический аспект) // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы VI Международной научной конференции. 7–8 февраля 2007 г. Иваново, ИвГУ. 2007. С. 18–25. (0,4 п. л.)
20. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и Февральская революция. «Старая» и «новая» государственные присяги // Посев. М., 2007. № 2 (1553). С. 21–25. (0,6 п. л.)
21. Бабкин М.А. Отказ от символов «старого режима». Март 1917-го // Посев. М., 2007. № 3 (1554). С. 35–37. (0,5 п. л.)
22. Бабкин М.А. Революционные празднества и Церковь. Апрель–май 1917 // Посев. М., 2007. № 5 (1556). С. 29–33. (0,5 п. л.)

Публикации документов

23. Совет Московского университета и Февральская революция (2 марта 1917 г.) / Публ. и вводная статья М.А. Бабкина // Ломоносовские чтения. МГУ им. Ломоносова. ИППК. Научная конференция. Ноябрь 2004. М., 2005. С. 362–366. (0,2 п. л.)
24. Телеграммы председателю Государственной думы М.В. Родзянко собраний духовенства Российской православной церкви (весна 1917 г.) / Публ., вводная статья и комментарии М.А. Бабкина // Клио. СПб., 2006. № 2 (33). С. 80–90. (1,2 п. л.)

Тезисы основных выступлений на научных конференциях в 2004–2006 гг.

25. Бабкин М.А. Об упразднении Святейшим синодом Православной российской церкви молитв о Доме Романовых в марте 1917 г. // Восьмые Романовские чтения. 15–16 июля 2002 г. Екатеринбург, 2004. С. 76–80. (0,2 п. л.)
26. Бабкин М.А. Позиция и роль духовенства Урала в революционном движении, направленном на свержение самодержавия в России // Исторические чтения. Вып. 7–8. Материалы научной конференции «Христианство на Урале». Челябинск, 2004. С. 65–67. (0,1 п. л.)
27. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и государственная присяга (март 1917 года) // Церковь, государство и общество в истории России XX века. Материалы V Международной конференции. 8–9 декабря 2005 г. Иваново, 2005. С. 33–36. (0,1 п. л.)

28. Бабкин М.А. Российская Православная церковь в начале XX в. // Реформы в России и проблемы управления. Материалы 20-й Всероссийской научной конференции молодых учёных и студентов. М., 2006. ГУУ. Вып. 2. С. 250–252. (0,2 п. л.)
29. Бабкин М.А. Святейший синод Православной российской церкви и манифест 17 октября 1905 г. // Реформы в России и проблемы управления. Материалы 21-й Всероссийской научной конференции молодых учёных и студентов. М., 2006. ГУУ. Вып. 3. С. 234–236. (0,2 п. л.)

Газетная публикация

30. Бабкин М.А. «Народовластие от Бога». Февральская революция 1917 года получила поддержку Святейшего Синода // НГ-религии. [Приложение к «Независимой газете»]. М., 2007. № 4 (198). 7 марта. С. 6. (0,4 п. л.)

Общий объём научных статей по теме диссертации – 41,1 п. л. авторского текста; публикаций документов и материалов, сопровождаемых археографическими и историческими статьями – 44,6 п. л.

Подписано в печать 31.06.2007 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Отпечатано на ризографе.
Усл. п. л. 3,5. Тираж 150 экз. Заказ № 9.
